

Льюис Кэрролл

Приключения Алисы в Стране Чудес

перевод Юрия Нестеренко

От переводчика

– Когда тебе дурно, всегда ешь занозы, – сказал Король, усиленно работая челюстями. – Другого такого средства не сыщешь!

– Правда? – усомнилась Алиса. – Можно ведь брызнуть холодной водой или дать понюхать нашатырю. Это лучше, чем занозы!

– Знаю, знаю, – отвечал Король. – Но я ведь сказал: «Другого такого средства не сыщешь!» Другого, а не лучше!

Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье» (перевод Н. Демуровой)

Знаю, знаю, что вы хотите спросить. Зачем? Зачем делать еще один перевод «Алисы», если их и так несколько, получивших к тому же широкую известность и распространение?

Ну, во-первых, сама по себе задача перевода книги, в которой столь многое основано на каламбурах и стихах, представляет немалую сложность и, соответственно, немалый интерес; но если это и проливает некоторый свет на вопрос, зачем я это писал, то еще не объясняет, зачем вам это читать.

Что ж, есть и более веская причина. Дело в том, что все русские переводы «Алисы», с которыми мне довелось ознакомиться, достаточно далеки от оригинала. Честнее всего поступил Заходер, прямо назвавший свой вариант пересказом; но и переводчики, не сделавшие такой оговорки, позволили себе весьма вольное обращение с авторским текстом. Не стану утверждать, будто то, что у них получилось, никуда не годится; напротив, вариант Заходера, к примеру, написан более живым языком, чем оригинал, но есть одна маленькая проблема – Кэрролл писал *не это*. Итак, моей целью было сделать как можно более точный перевод – разумеется, настолько, насколько позволяют различия между английским и русским языком.

Наибольшую сложность, разумеется, представляет перевод каламбуров. Некоторые из них можно перевести дословно (к примеру, «антиподы» и «антипатии» звучат похоже что по-русски, что по-английски), но таких, конечно, меньшинство. И большинство переводчиков поддается соблазну не пытаться переводить каламбуры, а выдумывать свои собственные, не имеющие с оригиналом ничего общего. Я же взял себе за правило сохранять авторский вариант хотя бы частично. То есть, к примеру, из пары омонимов точно переводится один, а второй уже подбирается; или подставляется другая пара, но при этом сходная по смыслу с английским оригиналом.

Не лучше, чем с каламбурами, в большинстве переводов обстоит дело со стихами. Почти все стихотворные тексты в книге – это пародии на стихи и песни, хорошо известные юным слушательницам Кэрролла, но ныне, как правило, основательно забытые даже на родине автора – что уж говорить о русскоязычном читателе. А поскольку без знания оригинала пародия теряет большую часть своего смысла, у переводчиков возникает искушение вместо этих текстов спародировать какими-нибудь русские. Причем я с удивлением убедился, что даже и этот метод не доводится до конца – одни стихи подвергаются такой вот произвольной русификации, другие (ничуть не более известные) переводятся достаточно точно. Естественно, мною был избран иной подход: я по возможности точно перевел все стихи Кэрролла, а заодно и все тексты, которые он пародировал (они приводятся в примечаниях). Все недостатки рифмовки или колебания размера (за единственным исключением, указанным в примечаниях) отражают особенности оригиналов.

Теперь о том, где мне все-таки пришлось отступить от точного следования кэрролловскому тексту. Хотя я старался строго соблюдать изложенный в эпиграфе принцип,

т.е. не пытаться «улучшать» автора (не писать, к примеру, «Алиса побежала к дверце», сколь бы естественным ни казалось такое поведение, если у Кэрролла «Алиса пошла к дверце»), кое-где в длинных диалогах я все же не удержался и заменил часть сплошных «сказал(а)» на подходящие по контексту синонимы. Кое-где, также из стилистических соображений, «она» заменялось на «Алиса», а слишком длинные фразы разбивались на несколько предложений. Более серьезно, впрочем, другое. В английском языке, как известно, мужской и женский род – чисто человеческая привилегия, а животные, как и неодушевленные предметы, именуются «оно» (it). Само собой, в сказках, с их очеловечиванием персонажей, этот принцип нарушается, но при этом авторы получают полную свободу выбора рода и, соответственно, пола персонажей. У Кэрролла практически все существа, в том числе Мышь, Гусеница, Соня – мужского рода (кстати, он довольно неряшлив в этом плане и периодически называет их то it, то he («он»)). Понятно, что по-русски это звучало бы достаточно коряво, так что мне, вслед за другими переводчиками, пришлось «поменять пол» этим персонажам.

Поскольку в английском языке все обращаются друг к другу на «вы», тут тоже возникают спорные моменты при переводе. Алиса – девочка вежливая и, конечно, говорит всем «вы». Но вот как обращаются к ней? На мой взгляд, в большинстве случаев на «ты» – жители Страны Чудес, как правило, не страдают излишком вежливости и тактичности. Возможно, кому-то покажется странным, что в моем переводе всякие мелкие зверьки Алисе «тыкают», однако Королева, при ее-то необузданно-истеричной натуре, говорит ей «вы». Однако тому есть причина: Королева, несмотря на бешеный нрав, несомненно, училась этикету; есть сведения, что стилем ее речи Кэрролл пародировал самоучитель «Научитесь говорить по-королевски».

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать от себя. Передаю слово Льюису Кэрроллу.

ВСТУПЛЕНИЕ

Сияет полдень золотой,
Мы медленно плывем;
Непросто маленьким рукам
Управиться с веслом,
Хоть и пытаются они
Повелевать рулем.
О Три жестоких! [1] В час, когда
Жара берет измором,
Просить рассказ! Зверьки, и те
Попрятались по норам!
Но – что же возразит один
Троим, просящим хором?
Что делать? «Начинать рассказ!» -
Вот властной Первой воля.
Вторая просит чепухи
Там увеличить долю,
А Третья прерывает нас
В минуту раз, не боле.
И вот история звучит
В наставшей тишине;
Они за девочкой следят,
Что странствует во сне
И слышит речь зверей и птиц

В загадочной стране.
Но долго тянется рассказ,
Иссяк фантазий клад.
«Докончу в следующий раз», -
Уставший молвить рад.
«А следующий раз – сейчас!» -
Три голоса кричат.
Так повесть о Стране Чудес
Рождалась и росла.
И вот – окончена, хотя
Нет странностям числа.
Плывем домой. Горит закат,
Негромок плеск весла.
Алиса, этот мой рассказ
Прими, как дар весны,
И сохрани в том уголке,
Где дети прячут сны,
Как пилигрим хранит цветок
Далекой стороны.

Глава I. Вниз по кроличьей норе

Алисе начинало уже надоедать сидеть с сестрой на берегу без всякого занятия; пару раз она заглянула было в книжку, которую читала сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров; «а зачем нужна книжка, – подумала Алиса, – в которой ни картинок, ни разговоров?»

Так что она прикидывала в уме (насколько вообще это было возможно в столь жаркий день, когда клонит в сон и мысли путаются), способно ли удовольствие от плетения гирлянды из маргариток перевесить нежелание вставать и собирать маргаритки, как вдруг мимо нее пробежал белый кролик с розовыми глазами.

В этом, конечно, не было ничего *особо* примечательного; ничего *особо* странного не нашла Алиса и в том, что кролик бормотал себе под нос: «Ах, боже мой, боже мой! Я наверняка опоздаю!» (хотя, когда она подумала об этом позже, то решила, что ей следовало бы удивиться, но в тот момент все это показалось ей вполне естественным); но когда кролик *достал самые настоящие часы из своего жилетного кармана*, и посмотрел на них, и прибавил прыти, Алиса вскочила на ноги, ибо не могла припомнить, чтобы прежде ей доводилось видеть кролика, у которого был бы жилетный карман, не говоря уже о часах, которые можно оттуда достать. Так что Алиса, стораая от любопытства, побежала по полю вслед за кроликом, и как раз успела увидеть, как тот нырнул в большую нору под изгородью.

В следующий момент Алиса нырнула за ним, ни на миг не озаботившись, как же она будет выбираться обратно.

Поначалу нора шла прямо, подобно туннелю, но затем вдруг резко оборвалась вниз, так что Алиса не успела даже сообразить, что надо остановиться, как уже падала в какой-то очень глубокий колодец.

То ли колодец действительно был необыкновенно глубок, то ли падала она слишком медленно, однако у нее было достаточно времени, чтобы оглядеться и подумать, что будет дальше. Прежде всего она взглянула вниз, пытаясь понять, куда летит, однако там было слишком темно и ничего не видно; тогда она посмотрела по сторонам и с удивлением обнаружила, что стены колодца увешаны полками для книг и посуды; там и сям на колышках висели географические карты и картины. Пролетая мимо одной из полок, она схватила стоявшую там банку; на наклейке было написано «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ», но, к

глубокому разочарованию Алисы, банка оказалась пуста. Однако Алиса не стала бросать ее, опасаясь убить кого-нибудь внизу, и умудрилась на лету поставить ее на очередную полку.

«Ну, – подумала про себя Алиса, – после такого падения упасть с лестницы для меня – сущий пустяк. Какой храброй будут считать меня дома, когда я вернусь! Пожалуй, даже если бы я свалилась с крыши высокого дома, то не сказала бы ни слова!» (Что было даже слишком похоже на истину.)

Вниз, вниз, вниз. Неужели это падение *никогда* не кончится? «Интересно, сколько миль я пролетела? – произнесла она вслух. – Должно быть, я уже где-то возле центра Земли. Значит, это получается глубина в четыре тысячи миль, я полагаю» (как видите, Алиса кое-чему научилась на уроках в школе, и хотя это была не *самая* подходящая возможность для демонстрации собственных знаний, поскольку никто не мог ее услышать, попрактиковаться в любом случае стоило) – «да, именно такое расстояние от поверхности, но, интересно, на какой я широте или долготе?» (Алиса не имела ни малейшего понятия, что такое широта и долгота, но ей было приятно произносить такие солидные слова.)

Через некоторое время она снова начала: «Вот будет интересно, если я пролечу всю землю насквозь! Как забавно будет оказаться среди людей, которые ходят вниз головой! Антипатии – кажется, так они называются...» (в *этом* раз она была рада, что никто ее не слышит, ибо слово звучало как-то не так), «но мне придется, должно быть, спросить у них, как называется их страна. Скажите пожалуйста, мэм, это Австралия или Новая Зеландия?» – и она попыталась сделать реверанс. (Представьте себе, каково это – делать реверанс в воздухе во время падения! Как вы думаете, у вас бы получилось?) «И какой же безграмотной она меня сочтет после такого вопроса! Нет уж, лучше не буду спрашивать: может быть, название страны где-нибудь написано».

Вниз, вниз, вниз... Поскольку делать было нечего, Алиса вскоре снова заговорила сама с собой. «Дина наверняка будет скучать обо мне вечером!» (Диной звали ее кошку.) «Надеюсь, они не забудут налить ей молока, когда придет время пить чай! Ах, милая Дина, как бы я хотела, чтобы ты была сейчас со мной! Боюсь, правда, что обычные мышки в воздухе не водятся, но ты бы могла ловить летучих. Однако едят ли кошки летучих мышек, хотелось бы мне знать?» Тут Алису начало клонить в сон, и она забормотала в полудреме: «Едят ли кошки летучих мышек?» – причем иногда у нее получалось «едят ли мышки летучих кошек?», однако, поскольку она не знала ответа ни на один из этих вопросов, большой разницы тут не было. Она совсем уже задремала и только было начала видеть сон, в котором прогуливалась под ручку с Диной и серьезно спрашивала: «Признайся мне честно, Дина, ты когда-нибудь ела летучую мышь?»

– как вдруг – та-ра-рах! – она шлепнулась на кучу веток и сухих листьев, и на сем ее падение закончилось.

Алиса совсем не ушиблась и тут же вскочила на ноги: она посмотрела вверх, но там было совсем темно; зато впереди открывался длинный проход, и в конце его еще виден был спешащий прочь белый кролик. Нельзя было терять ни секунды: Алиса помчалась за ним, и успела услышать, как он причитал, сворачивая за угол: «Ах, мои ушки, мои усики! Как же я опаздываю!» Она почти догнала его в тот момент, но, свернув в свою очередь за угол, обнаружила, что кролик исчез, а сама она очутилась в длинном зале, тускло освещенном длинным рядом ламп, свисавших с низкого потолка.

По всей длине зала с обеих сторон шли двери, но все они были заперты; после того, как Алиса, обойдя весь зал и подергав каждую, убедилась в этом, она печально поплелась на середину помещения, размышляя, удастся ли ей когда-нибудь выбраться отсюда. Неожиданно она наткнулась на маленький трехногий столик, весь сделанный из прочного стекла; на столике не было ничего, кроме маленького золотого ключика, и Алиса сразу же решила, что этот ключик должен подойти к какой-нибудь из дверей. Но увы! то ли замки были слишком большими, то ли ключик – слишком маленьким, однако он не мог открыть ни одну дверь. Однако, обойдя зал во второй раз, Алиса увидела невысокую занавеску, которую не заметила прежде, а за ней оказалась маленькая дверца высотой всего в пятнадцать

дюймов; Алиса испробовала золотой ключик здесь, и, к ее великой радости, он подошел!

Алиса отворила дверцу и обнаружила, что та вела в маленький проход, не намного больше крысиной норы; опустившись на колени, она заглянула туда и увидела самый чудесный сад, какой вы только можете представить. Как ей хотелось выбраться из мрачного зала и побродить среди клумб с яркими цветами и прохладных фонтанов! Но она не могла просунуть в этот лаз даже голову, «а если бы голова и пролезла, – думала бедная Алиса, – без плеч от нее было бы немного толку. Ах, как бы я хотела уметь складываться, как подзорная труба! Я думаю, я бы смогла, если бы только знала, с чего начать.» Сами понимаете, в последнее время с Алисой случилось столько всего необычного, что она начала уже верить в возможность практически чего угодно.

Сидеть и ждать перед дверцей особого смысла не было, так что Алиса вернулась к столику, смутно надеясь найти там еще один ключ или, по крайней мере, книгу, объясняющую, как человеку научиться складываться подобно подзорной трубе; но на этот раз она обнаружила на столике пузырек («которого здесь точно не было прежде», – сказала Алиса), и на горлышке пузырька был бумажный ярлык со словами «ВЫПЕЙ МЕНЯ», красиво напечатанными большими буквами.

Это, конечно, легко было сказать – «Выпей меня», но умненькая Алиса не собиралась так сразу следовать подобному совету; «Нет, я сперва посмотрю, – сказала она, – есть тут надпись «Яд» или нет». Она читала достаточно милых историй о детях, которые сгорели заживо, или достались на обед диким зверям, или попали еще в какие-нибудь подобные неприятности, а все лишь оттого, что не желали помнить простые правила, которым их учили друзья – например, что раскаленной докрасна кочергой можно обжечься, если держать ее голый рукой слишком долго; или, что если *слишком* глубоко разрезать палец ножом, то обычно идет кровь; или – правило, которая Алиса никогда не забывала – что если выпить слишком много из пузырька с надписью «Яд», то почти наверняка, рано или поздно, почувствуешь недомогание.

Однако на этом пузырьке *не было* надписи «Яд», так что Алиса решила отведать его содержимое, и оно ей очень понравилось (на вкус это было как смесь вишневого пирога, сладкого омлета, ананаса, жареной индейки, конфет и горячих гренок с маслом) – так что она быстро выпила все до капли.

«Какое странное чувство! – воскликнула Алиса, – Я, должно быть, складываюсь, как подзорная труба!»

И это действительно было так; к этому моменту в ней оставалось всего десять дюймов роста, и лицо ее просияло, когда она подумала, что теперь стала как раз подходящего размера, чтобы пройти через дверцу в тот дивный сад. Сначала, впрочем, она подождала еще несколько минут, чтобы проверить, не будет ли она уменьшаться и дальше; она немного беспокоилась на сей счет, «ведь тогда, как-никак, – сказала себе Алиса, – в итоге я могла бы и вовсе исчезнуть, как сгоревшая свечка. Интересно, на что это похоже?» И она попыталась представить себе, на что похож огонек погасшей свечи, поскольку не могла припомнить, чтобы прежде видела что-либо подобное.

Наконец, убедившись, что ничего больше не случается, она решила уже идти в сад, но увы! когда бедная Алиса подошла к двери, то вспомнила, что оставила золотой ключик на столе,^[2] а когда вернулась за ним, то уже не могла его достать; она прекрасно видела его сквозь прозрачное стекло, и попыталась даже взобраться по ножке стола, но та была слишком скользкой; так что в конце концов, выбившись из сил, бедняжка уселась на пол и заплакала.

«Послушай, нет никакого смысла вот так реветь!» – сказала Алиса себе довольно строго. «Советую тебе прекратить это сию же минуту!» Она часто давала себе очень хорошие советы (хотя редко им следовала), и иногда отчитывала себя столь сурово, что аж слезы выступали на глазах, а однажды даже попыталась отхлестать себя по щекам за то, что

жульничала, играя в крокет сама с собой; этому удивительному ребенку нравилось представлять себя двумя людьми сразу. «Но сейчас нет никакого толка, – подумала бедная Алиса,

– представлять себя двумя людьми! От меня осталось так мало, что и на *одну*
– то нормальную девочку не хватит!»

Но вскоре она заметила маленькую стеклянную коробочку, которая лежала под столом; открыв ее, Алиса обнаружила там крохотное пирожное, на котором коринкой красиво была выложена надпись «СЪЕШЬ МЕНЯ». «Хорошо, я его съем, – сказала Алиса, – и если после этого вырасту, то смогу взять ключик; а если уменьшусь, то смогу пролезть под дверь; так что в любом случае я попаду в сад, а там – будь что будет.»

Она съела кусочек и обеспокоенно спрашивала себя: «Вверх или вниз? Вверх или вниз?», положив руку на макушку, чтобы определить, в какую сторону меняется – но была немало удивлена, обнаружив, что остается того же роста; конечно, обычно так оно и бывает со съевшим пирожное, но Алиса уже так привыкла ожидать всяческих чудес, что возвращение к обычному порядку вещей показалось ей скучным и глупым.

Так что она налегла на пирожное и быстро покончила с ним.

Глава II. Озеро слез

«Все страньше и страньше!» – вскричала Алиса (от удивления она даже на мгновение забыла, как надо правильно говорить). «Теперь я раздвигаюсь, словно самый большой в мире телескоп! Прощайте, ноги!» (В этот момент она посмотрела на свои ноги, которые остались так далеко внизу, что их было уже почти и не видно.) «Бедные мои ножки, кто теперь будет надевать на вас чулки и туфли, хотелось бы мне знать? Я уже никак не смогу этим заниматься! Вы теперь слишком далеко, чтобы я о вас заботилась; придется вам как-нибудь самим управляться. Однако, надо мне быть с ними поласковой, – подумала Алиса, – а то еще не захотят идти туда, куда мне понадобится! Пожалуй, я буду дарить им новую пару ботиночек на каждое Рождество.»

И она стала обдумывать, как бы это устроить. «Придется отправлять подарок с посыльным, – решила она, – и как забавно это будет выглядеть – посылать подарки собственным ногам! А каким странным получится адрес!»

Г-же Алисиной Правой Ноге,
Каминный Коврик,
возле Каминной Решетки
(с любовью от Алисы)

О боже, что за вздор я несу!»

Как раз в этот момент ее голова ударилась о потолок: в ней было уже более девяти футов росту, и она быстро схватила ключик и побежала к дверце в сад. Бедная Алиса! Все, что она могла – это заглянуть в сад одним глазком, и то для этого ей нужно было лечь на пол; шансов попасть внутрь теперь было меньше, чем когда-либо, так что она снова села и заплакала. «Как тебе не стыдно, – сказала Алиса, – такая большая девочка – (тут она, конечно, была права) – а плачешь! Прекрати немедленно, кому говорю!» Однако она не прекратила, а продолжала в том же духе, изливая целые галлоны слез, до тех пор, пока вокруг нее не образовалась лужа шириной в половину зала и глубиной в четыре дюйма.^[3] Через какое-то время она услышала в отдалении топот маленьких ног и быстро вытерла глаза, чтобы посмотреть, что же такое приближается. Это оказался Белый Кролик; он возвращался, роскошно одетый, с парой белых лайковых перчаток в одной руке^[4] и

большим веером в другой. Он ужасно спешил, бормоча на бегу: «Ох! Герцогиня, Герцогиня! Ох! Она будет просто в ярости, если я заставлю ее ждать!» Алиса была в таком отчаянии, что готова была обратиться за помощью к кому угодно, так что, когда Кролик пробежал мимо нее, она начала тихим, робким голосом: «Будьте так добры, сэр...» Кролик подскочил, как ужаленный, выронил белые лайковые перчатки и веер и со всех ног помчался прочь, в темноту. Алиса подобрала веер и перчатки и, поскольку в зале было очень жарко, принялась обмахиваться, продолжая говорить: «Боже мой, какой странный день сегодня! А вчера все шло, как обычно. Интересно, уж не поменялась ли я ночью? Надо подумать: была ли я собой, когда встала утром? Кажется, я припоминаю, что чувствовала себя как-то не так. Но если я – это не я, то возникает следующий вопрос: кем же я в таком случае стала? Вот уж загадка из загадок!» И она стала перебирать всех знакомых девочек своего возраста, пытается понять, не могла ли она превратиться в одну из них. «Конечно же, я не Ада, – сказала она, – у Ады волосы вьются такими длинными локонами, а у меня волосы вовсе не вьющиеся; и уж наверняка я не Мэйбл, поскольку я знаю обо всем на свете, а она, бедняжка, знает столько мало! Кроме того, она – это она, а я – это я, и – ох, ну до чего все это запутано! Постараюсь проверить, знаю ли я все то, что знала обычно. Значит, так, четырежды пять – двенадцать, четырежды шесть – тринадцать, четырежды семь – о, нет! Так я до двадцати никогда не дойду! Ладно, таблица умножения ничего не доказует; попробуем лучше географию. Лондон – столица Парижа, а Париж – столица Рима, а Рим – нет, *все* неправильно! Ну точно, я превратилась в Мэйбл! Попробую-ка рассказать стишок 'Трудолюбивая пчела'[5]» – она сложила руки на коленях, как будто отвечала урок, и стала читать стихотворение, однако голос ее зазвучал хрипло и странно, и слова выходили не те, что обычно:

Рыболобивый крокодил
Растит для пользы хвост,
И рассекает желтый Нил,
Простершись во весь рост.
О, сколь старательно плывет
Он по речной волне,
И рыбку каждую зовет:
«Пожалуй в пасть ко мне!»

«Я просто уверена, что это не те слова», – сказала бедная Алиса, и глаза ее вновь наполнились слезами, пока она продолжала: «Выходит, я все-таки Мэйбл, и мне придется жить в ее убогом маленьком домишке, и у меня почти совсем не будет игрушек, и – ох! – сколько же уроков мне придется учить! Ну уж нет, если я Мэйбл, тогда я лучше так и останусь тут! Пусть они свешивают головы и кричат: «Поднимайся к нам опять, дорогая!» Я лишь посмотрю вверх и скажу: «А кто я такая? Сначала объясните мне это, и если мне понравится быть этим человеком, тогда я поднимусь; а если нет, то я останусь здесь, пока не стану кем-нибудь еще» – но, в конце концов!» – зарыдала вдруг Алиса в голос, – «я так хочу, чтобы они пришли и свесили головы! Мне так страшно надоело быть здесь одной!» На этих словах она взглянула на собственные руки и с удивлением обнаружила, что, сама того не замечая, во время своей речи натянула одну из крошечных белых лайковых перчаток Кролика. «Как это я смогла?» – подумала она. «Не иначе, я опять уменьшаюсь.» Алиса встала и подошла к столику, чтобы по нему измерить свой рост, и обнаружила, что, насколько она могла судить, уже сократилась до двух футов и продолжает стремительно уменьшаться. Она быстро догадалась, что причиной тому был веер, который она все еще держала в руках, и поспешно бросила его – как раз вовремя, иначе могла совсем исчезнуть. «Уф, еле спаслась!» – сказала Алиса, изрядно напуганная столь быстрой переменой, однако весьма обрадованная тем, что по-прежнему существует. «Ну а теперь – в сад!» – и она

побежала со всех ног к заветной дверце, но увы! та, как и прежде, была заперта, а золотой ключик, как и прежде, лежал на столе, «и положение хуже, чем когда-либо, – подумала бедняжка, – потому что я никогда еще не была такой крошечной, никогда! По-моему, хуже уже быть просто не может!» И, стоило ей произнести эти слова, нога ее поскользнулась, и в следующий момент – плюх! – Алиса была уже по горло в соленой воде. В первый момент она решила, что упала в море, «значит, я смогу вернуться домой по железной дороге», – сказала она себе. (Однажды в своей жизни Алиса была на море, и пришла к общему заключению, что, в какое бы место на английском побережье вы ни отправились, вы обнаружите там несколько купальных кабин в море,^[6] детей, копающихся в песке деревянными лопатками, на пляже, дальше на берегу – здания пансионатов, а за ними железнодорожную станцию.) Однако скоро она поняла, что оказалась в луже собственных слез, которую наплакала, когда была девяти футов ростом. «Вот ведь не надо было мне столько реветь!» – говорила себе Алиса, плавая туда-сюда в тщетных поисках берега. «Теперь, должно быть, я буду за это наказана – утону в собственных слезах! Конечно, странная это вышла бы штука! Впрочем, сегодня все странно.» Тут она услышала, как что-то плещется неподалеку, и поплыла туда, дабы выяснить, что именно; поначалу она подумала, что это морж или бегемот, но затем вспомнила, какая она маленькая, и вскоре обнаружила, что это всего-навсего мышь, которая, как и сама Алиса, поскользнулась и свалилась в воду. «Выйдет ли какой-нибудь прок, – подумала Алиса, – если я заговорю с мышью? Сегодня все такое необычное, что, наверное, она умеет говорить; в любом случае, попытка – не пытка.» Так что она начала: «О Мышь, не знаете ли вы, как выбраться из этого озера? Я ужасно устала, плаваю здесь. О Мышь!» (Алиса решила, что именно так и следует обращаться к мыши; она никогда не делала этого прежде, но вспомнила, как однажды заглянула в учебник латинской грамматики своего брата и увидела там правила склонения. «Именительный – мышь, родительный – мыши, дательный – мыши, винительный – мышь, звательный – о мышь!») Мышь посмотрела на нее с некоторым любопытством и как будто даже подмигнула своим маленьким глазиком, но ничего не сказала. «Может, она по-английски не понимает? – подумала Алиса. – Наверное, это французская мышь, которая приплыла вместе с Вильгельмом Завоевателем.» (При всех своих исторических познаниях, Алиса не очень хорошо представляла себе, что когда происходило.) Так что она начала снова: «*Qu est ma chante?*^[7]» – ибо такова была первая фраза в ее учебнике французского. Мышь вдруг прямо-таки выпрыгнула из воды и шлепнулась обратно, дрожа от ужаса. «Ой, простите! – поспешно воскликнула Алиса, опасаясь, что задела чувства бедного животного. – Я совсем забыла, что вы не любите кошек!»

– Не люблю кошек! – возмущенно крикнула Мышь. – А ты бы их любила на моем месте?

– Ну, наверно нет, – сказала Алиса примирительным тоном, – не сердитесь из-за этого. Но я бы хотела, чтобы вы взглянули на нашу кошку Дину: думаю, вы бы полюбили кошек, если бы увидели ее. Она такое милое создание, – продолжала Алиса, наполовину сама для себя, лениво плывя по озеру, – и она так очаровательно мурлычет, сидя у камина, лижет лапку и умывает мордочку – и она такая мягкая, ее так приятно гладить – и она так замечательно ловит мышей – ох, простите!» – снова вскрикнула Алиса, ибо на сей раз у Мыши вся шерстка встала дыбом – как видно, теперь она была оскорблена не на шутку. – Мы не будем больше говорить о Дине, если вы не хотите!

– Мы, ну как же! – возмутилась Мышь, которую пробирала дрожь до самого кончика хвоста. – Можно подумать, это я начала эту тему! Наша семья всегда *ненавидела* кошек: гнусные, низкие, вульгарные твари! Даже не упоминай этого слова в моем присутствии!

– Нет-нет, больше не буду! – воскликнула Алиса и поспешила сменить тему разговора. – А вы... вы любите... любите... собак?

Мышь ничего не ответила, так что Алиса пылко продолжила:

– У нас по соседству живет такой чудный песик – мне бы хотелось его вам показать! Маленький терьер с блестящими глазами и такой длинной вьющейся коричневой шерстью – прелесть! Он умеет приносить брошенные предметы, и служить, прося угощение, и вообще, он столько всего умеет – я и половины не упомяну! Он принадлежит фермеру, ну, вы понимаете, так тот говорит – от этого пса столько пользы, что за него и сотни фунтов не жалко! Представьте, переловил уже всех крыс и м... ой, нет! – огорченно вскрикнула Алиса. – Боюсь, я опять ее обидела! – ибо Мышь теперь плыла прочь со всей резвостью, на какую была способна, так что по озеру даже пошли волны.

– Мышка, милая! – кротко позвала ее Алиса. – Вернитесь, пожалуйста, и мы больше не будем говорить ни о кошках, ни о собаках, раз они вам не нравятся!

Когда Мышь услышала это, то повернулась и неспешно поплыла назад: ее мордочка была совсем бледной (от гнева, решила Алиса), и когда она заговорила, голос ее был слаб и дрожал:

– Давай выберемся на берег, и я расскажу тебе мою историю, тогда ты поймешь, за что я ненавижу кошек и собак.

И в самом деле, пора было выбирать, ибо в озере уже становилось тесно от упавших туда птиц и зверей: среди них были Утка и птица Додо, Попугай Лори и Орленок [8] и другие странные существа. Алиса указала путь, и вся компания поплыла к берегу.

Глава III. Предвыборный марафон и длинная история

Компания, собравшаяся на берегу, выглядела воистину странно: птицы с мокрыми, волочащимися по земле перьями, звери со слипшейся шерстью – в общем, все промокли насквозь и пребывали не в лучшем расположении духа.

В первую очередь, разумеется, их интересовало, как же побыстрее высохнуть: они принялись это обсуждать, и несколько минут спустя Алиса уже разговаривала со всеми совершенно свободно, словно знала их всю жизнь. Конечно же, у нее возникла довольно долгая дискуссия с Лори, который в конце концов надулся и заявил: «Я старше тебя, и лучше знаю»; однако Алиса не могла с этим согласиться, не зная, сколько ему лет, а поскольку Лори отказался назвать свой возраст, спор на этом и завершился.

В конце концов Мышь, которая, как видно, пользовалась здесь определенным авторитетом, возгласила: «Сядьте все и слушайте меня! Я вас быстро высушу!» Они все моментально расселись, образовав большой круг с Мышью в центре. Алиса смотрела на нее с особенным вниманием, поскольку чувствовала, что непременно схватит серьезную простуду, если не просохнет в ближайшее время.

– Гхм! – важно откашлялась Мышь, – вы готовы? Это самая сухая вещь, какую я знаю. Попрошу тишины! «Вильгельм Завоеватель, чье дело получило благословение Папы Римского, в скором времени добился повиновения англичан, которые нуждались в правителях и успели уже привыкнуть к узурпациям и завоеваниям. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумбрии соответственно...»

– Брр! – содрогнулся Лори.

– Простите? – сказала Мышь, нахмурившись, однако подчеркнуто вежливым тоном. – Вы что-то сказали?

– Это не я! – поспешно ответил Лори.

– Значит, мне показалось, – изрекла Мышь. – Итак, я продолжаю. «Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумбрии соответственно, присягнули ему; и даже Стиганд, известный своим патриотизмом архиепископ Кентерберийский, нашел это благоразумным...»

– Что нашел? – перебила Утка.

– Нашел *это*, – ответила Мышь довольно сердито, – вы ведь, разумеется, знаете, что

означает «это».

– Я знаю, что означает «это», когда я нахожу что-нибудь, – сказала Утка, – обычно это бывает лягушка или червяк. Вопрос в том, что нашел архиепископ?

Мышь проигнорировала этот вопрос и поспешно продолжила: «нашел это благоразумным и отправился вместе с Эдгаром Ателингом к Вильгельму, дабы предложить ему корону. Поначалу поведение Вильгельма было умеренным, однако дерзость его норманнов...» Ну что, милочка, подсыхаешь? – обратилась она к Алисе.

– Такая же мокрая, как и раньше, – печально ответила Алиса. – Не похоже, чтобы это хоть чуть-чуть меня высушило.

– В таком случае, – изрек Додо, важно поднимаясь с места, – я вношу предложение прервать данное собрание, дабы безотлагательно предпринять более эффективные меры...

– Говори нормально! – перебил его Орленок. – Я не знаю и половины этих длинных слов, да и ты сам, небось, тоже! – и Орленок наклонил голову, пряча улыбку; некоторые птицы захихикали вслух.

– Я имел в виду, – пояснил Додо обиженным тоном, – что лучший способ просохнуть – это предвыборный марафон.

– Что такое «предвыборный марафон»? – спросила Алиса. Не то чтобы ей очень хотелось узнать, но Додо сделал паузу, явно ожидая, что *кто-то* спросит, а никто больше не спросил.

– Ну, – сказал Додо, – лучший способ объяснить это – устроить его.

(На тот случай, если вам тоже, в какой-нибудь зимний день, захочется испробовать такую штуку, я объясню вам, как это делал Додо.)

Первым делом он начертил маршрут марафона в виде круга (круг вышел не очень круглым, но Додо сказал, что точность формы несущественна), а затем расставил всю компанию вдоль маршрута, там и сям. Не было никаких команд «На старт – внимание – марш»; напротив, каждый побежал, когда захотел, и останавливался, когда желал, так что было непросто понять, когда же марафон закончился. Тем не менее, после примерно получаса беготни, когда все уже достаточно просохли, Додо внезапно крикнул: «Марафон окончен!», и все столпились вокруг него, тяжело дыша и спрашивая, кто же победил.

На этот вопрос Додо не мог ответить без длительного размышления, так что долгое время он сидел, упершись пальцем в лоб (в этой позе часто изображают Шекспира), в то время как остальные молча ждали. Наконец Додо изрек: «Все победили, и все должны получить призы.»

– Но кто будет раздавать призы? – раздался дружный хор голосов.

– *Она*, конечно же, – ответил Додо, указывая пальцем на Алису; и вся толпа сразу же окружила ее, наперебой требуя: «Призы, призы!»

Алиса понятия не имела, что делать; в отчаянье она сунула руку в карман, достала оттуда коробочку с конфетами (к счастью, соленая вода не попала внутрь), и стала раздавать их в качестве призов. Каждому хватило ровно по одной.

– Но ведь и она сама тоже должна получить приз, – заметила Мышь.

– Разумеется, – подтвердил Додо очень серьезным тоном. – Что еще осталось у вас в кармане? – осведомился он, поворачиваясь к Алисе.

– Только наперсток, – печально ответила Алиса.

– Дайте его сюда, – велел Додо.

Они все снова столпились вокруг нее, в то время как Додо торжественно вручал наперсток со словами: «Мы просим вас сообразоваться принять этот элегантный наперсток». Когда он закончил эту краткую речь, все зааплодировали.

Алисе вся эта сцена показалась совершенным абсурдом, но все они имели такой торжественный вид, что она не осмелилась засмеяться, и, поскольку не знала, что сказать в ответ, то лишь поклонилась и взяла наперсток, изо всех сил стараясь сохранять серьезное лицо.

Затем все принялись есть конфеты; тут не обошлось без шума и неразберихи,

поскольку большие птицы жаловались, что даже не успели распробовать свой приз, а мелкие птички то и дело давились, и их приходилось хлопать по спине. Но, наконец, со всем этим было покончено, они снова уселись в круг и стали просить Мышь рассказать им что-нибудь еще.

– Помните, вы обещали рассказать вашу историю, – сказала Алиса, – и почему вы ненавидите... К и С, – добавила она шепотом, боясь, что Мышь опять обидится.

– Рассказ мой называется «Прохвост»; он длинный и печальный, – Мышь повернулась к Алисе и вздохнула.

«Про хвост? Он действительно длинный, – подумала Алиса, с удивлением разглядывая хвост Мыши, – однако что же в нем печального?» И поскольку она все пыталась разрешить эту загадку, пока Мышь излагала свою историю, то и сам рассказ в представлении Алисы выглядел примерно так:

Хищник сказывал
мышке, Ее
встретив
в домишке: «Эй,
пойдем-ка,
тебя я
Привлекаю
к суду!
Отклоняю
протест я,
Налагаю
арест я,
Потому что
с утра я
Себе дел
не найду.
Мышка
молвит
пройдохе:[⁹]
«Ваши
доводы
плохи, Без
судьи и
присяжных
Зря устроим
возню!»
Хищник
рявкнул:
«Неважно!
Я и суд, и
присяжные!
Разберу
твое дело,
Осужу и
казню!»

– Ты не слушаешь! – строго сказала Мышь Алисе. – О чем это ты задумалась?

– Простите, пожалуйста, – смиренно произнесла Алиса, – вы ведь, кажется, дошли до пятого изгиба?

– Это была завязка! – взвизгнула разъяренная Мышь.

– Узелок завязался! – поняла Алиса, и, поскольку она всегда готова была прийти на помощь, тут же предложила: – Позвольте, я помогу его распутать!

– Не собираюсь делать ничего подобного! – заявила Мышь, поднимаясь и идя прочь. – Ты оскорбляешь меня, когда несешь подобную чушь!

– Я не хотела! – оправдывалась бедная Алиса. – Просто вы, чуть что, сразу обижаетесь! Мышь лишь проворчала что-то в ответ.

– Пожалуйста, вернитесь и закончите свой рассказ! – звала ее Алиса, и прочие хором присоединились к ней: «Да, да, пожалуйста!» – но Мышь лишь раздраженно мотнула головой и ускорила шаг.

«Как жаль, что она не осталась!» – вздохнул Лори, когда Мышь скрылась из глаз; и пожилая кривая не упустила случая сказать своей дочери: «Вот, дорогая, пусть это послужит тебе уроком – никогда не выходи из себя!» «Придержи язык, маманя! – ответила юная кривая, – ты способна вывести из себя даже устрицу!»[10]

– Хорошо бы Дина была здесь, уж это точно! – сказала Алиса, ни к кому персонально не обращаясь. – Она бы живо притащила ее обратно!

– А кто такая Дина, позвольте полюбопытствовать? – осведомился Лори.

Алиса горячо откликнулась на этот вопрос, поскольку всегда была готова поговорить о своей любимице: «Дина – это наша кошка. Вы и не представляете, как она замечательно ловит мышей! А видели бы вы, как она разбирается с птицами! Ну прямо только увидит птичку – и в тот же миг уже ест!»

Эта речь произвела заметное впечатление на общество. Некоторые птицы сразу же поспешили прочь; одна старая сорока принялась тщательно кутаться, приговаривая: «Мне в самом деле пора домой; ночной воздух вреден для моего горла!»; канарейка дрожащим голосом созывала своих птенцов: «Идемте, милые! Вам всем пора в кроватку!» Вскоре под разными предлогами все разбрелись, и Алиса осталась одна.

«Лучше бы я не упоминала Дину! – печально сказала она себе. – Похоже, никому она здесь не нравится, хотя я уверена, что это самая лучшая кошка в мире! Ах, дорогая Дина! Увижу ли я тебя когданибудь снова, хотелось бы мне знать!» И тут бедная Алиса снова заплакала, поскольку ей было очень одиноко и грустно. Однако прошло совсем немного времени, и она вновь услышала вдалеке топот маленьких ног. Алиса радостно вскинула глаза, затаенно надеясь, что Мышь сменила гнев на милость и теперь возвращается, чтобы досказать свою историю.

Глава IV. Как маленький Билл чуть не разбиллся

Это был Белый Кролик, который неспешно трусил обратно, озабоченно оглядываясь по сторонам, словно он что-то потерял, и Алиса услышала, как он бормочет про себя: «Герцогиня! Герцогиня! О мои бедные лапки! О моя шерстка и усики! Она велит меня казнить, это и хорьку [11] понятно! И где, спрашивается, я мог их обронить?» Алиса сразу же догадалась, что он разыскивает веер и пару белых лайковых перчаток, и, по доброте своей, принялась их искать, но их нигде не было видно – очевидно, все изменилось с тех пор, как она плавала в луже слез, и большой зал вместе со стеклянным столиком и маленькой дверцей исчез целиком и полностью.

Очень скоро Кролик заметил занимавшуюся поисками Алису и сердито окликнул ее: «Эй, Мэри Энн, с какой стати ты тут ошиваешься? Беги немедленно домой, и принеси мне пару перчаток и веер! Быстро, бегом!» И Алиса так испугалась, что сразу же побежала туда,

куда он показал, даже не попытавшись объяснить ему, что он обозначился.

«Он принял меня за горничную, – сказала она себе на бегу. – Как он удивится, когда узнает, кто я такая! Но лучше я все-таки принесу ему веер и перчатки – если, конечно, сумею их найти.» Сказавши это, она подбежала к изящному маленькому домику, на двери которого висела блестящая латунная табличка с выгравированным именем «Б. КРОЛИК». Она вошла, не постучав, и поспешила вверх по лестнице, боясь, что ей встретится настоящая Мэри Энн, которая выставит ее из дома, не дав отыскать веер и перчатки.

«Как, однако, это странно, – сказала себе Алиса, – быть на побегушках у кролика! Этак в следующий раз Дина станет давать мне приказания!» И она стала воображать, как бы это могло выглядеть: «'Мисс Алиса, идите скорее сюда, пора отправляться на прогулку!' 'Минуточку, няня! Я должна следить за мышшиной норкой, чтобы мышь не убежала, пока не вернется Дина.' Вот только не думаю, – продолжала она, – что Дине позволят остаться в нашем доме, если она так раскомандуется!»

К этому времени она оказалась в маленькой опрятной комнате со столом возле окна, и на столе, как она и надеялась, лежал веер и две-три пары маленьких белых лайковых перчаток; она взяла веер и пару перчаток и собиралась уже покинуть комнату, когда ее взгляд упал на маленькую склянку, стоявшую возле зеркала. На сей раз там не было никакого ярлыка с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ», тем не менее Алиса откупорила пробку и поднесла склянку к губам. «Я знаю, наверняка случается *что-нибудь* интересное, – сказала она себе, – стоит мне только съесть или выпить что-нибудь; так что я просто посмотрю, что делает эта бутылочка. Надеюсь, она позволит мне снова вырасти, потому что мне уже жутко надоело быть такой крохотулькой!»

Так оно и случилось, и притом гораздо быстрее, чем она ожидала; не успела Алиса выпить и половину бутылочки, как голова ее уперлась в потолок, и ей пришлось пригнуться, чтобы не сломать себе шею. Она быстро поставила склянку, говоря себе: «Этого вполне хватит – надеюсь, я не стану расти дальше – а то ведь я и в дверь не пролезу – и зачем я только так много выпила!»

Увы! Было уже слишком поздно для этих благих мыслей! Она все росла и росла, и скоро ей пришлось встать на колени на пол, но в следующую минуту места опять не хватило, и она попробовала лечь, одним локтем оперевшись в дверь, а другую руку завернув вокруг головы. Однако она все продолжала расти, и, в качестве последнего средства, одну руку высунула в окно, а одну ногу засунула в каминную трубу, сказав себе: «Больше я ничего не могу поделать, что бы ни случилось. Что теперь со мной будет?»

К счастью для Алисы, действие волшебной бутылочки на этом закончилось, и рост прекратился; тем не менее, положение было весьма некомфортным, и при этом Алиса не видела никакой возможности выбраться из комнаты, так что неудивительно, что она почувствовала себя несчастной.

«Дома было намного приятней, – подумала бедная Алиса, – когда я не делалась то больше, то меньше, и мной не командовали мыши и кролики. Я почти жалею, что полезла в ту кроличью нору – и, все же – все же – что ни говори, такая жизнь довольно интересна! Хотелось бы мне знать, что еще *может* со мной случиться? Когда я читала сказки, я думала, что ничего такого быть не может, а теперь я здесь, в самой гуще этого. Обо мне надо бы написать книгу, право же, надо! И когда я вырасту, я напишу – но я уже выросла, – добавила она огорченно, – по крайней мере, *здесь* мне расти больше некуда.»

«Но тогда, – подумала Алиса, – я уже *никогда* не стану старше? С одной стороны, это удобно – никогда не буду старухой – но тогда придется всегда учить уроки! О нет, *это* мне не нравится.»

«Глупая ты, Алиса! – ответила она себе. – Как это ты можешь учить здесь уроки? Ты и сама-то тут еле помещаешься, а для учебников тут и вовсе места нет!»

Она продолжала в том же духе, занимая то одну сторону, то другую, и поддерживая таким образом беседу, но спустя несколько минут услышала голос снаружи и замолчала, чтобы послушать.

«Мэри Энн! Мэри Энн!, – кричал голос. – Неси сюда мои перчатки сию же секунду!» Затем послышался топоток на лестнице. Алиса поняла, что это Кролик пришел за ней, и задрожала так, что весь дом заходил ходуном, так как совсем забыла, что она теперь раз в тысячу больше Кролика, так что нет никаких причин его бояться.

Тем временем Кролик подошел к двери и попробовал ее открыть, но, поскольку дверь открывалась внутрь, и Алиса упиралась в нее локтем, эта попытка не принесла успеха. Алиса услышала, как он сказал себе: «Тогда я обойду вокруг и заберусь через окно».

«А вот и нет!», – подумала Алиса, и, подождав, пока Кролик, насколько она могла определить на слух, окажется под окном, резко высунула руку и сделала хватательное движение в воздухе. Ей не удалось ничего схватить, однако она услышала вскрик и звук падения, а затем звон разбитого стекла, из чего заключила, что Кролик, по всей видимости, упал на теплицу с огурцами, или на что-то в этом роде.

Затем раздался разъяренный голос – Кролика: «Пэт! Пэт! Где ты?» Затем

– голос, которого она прежде не слышала: «Знамо дело, тут я! Яблочки копаю,[12] ваш честь!»

– «Яблочки копаю», ну конечно! – сердито передразнил Кролик. – Сюда иди и помоги мне выбраться из *этого* ! (Снова звуки бьющегося стекла.)

– Теперь скажи мне, Пэт, что это такое в окне?

– Знамо дело, рука, ваш честь! (Он произносил «рука».)

– Рука, тупица! Кто когда-нибудь видел руку такого размера? Посмотри, оно заполняет окно целиком!

– Знамо дело, оно так, ваш честь; но все-таки это рука, что б там ни было.

– Ладно, в любом случае, нечего ей здесь делать; иди и убери ее!

После этого наступила долгая тишина, и Алиса лишь изредка слышала шепот, вроде такого: «Знамо дело, не нравится мне это, ваш честь, совсем не нравится!» «Делай, что тебе сказано, трус!» В конце концов она снова высунула руку подальше в окно и опять попыталась кого-нибудь схватить. В этот раз раздалось уже *два* вскрика, и еще больше звуков бьющихся стекол. «Как много у них теплиц! – подумала Алиса. – Интересно, что они будут делать дальше? Насчет того, чтобы убрать меня из окна, так я бы и сама хотела, чтобы они *сумели* . У меня нет ни малейшего желания оставаться здесь, ни на минуту!»

Она принялась ждать; какое-то время ничего не было слышано, а потом задребезжали колеса маленькой тележки, и сразу множество голосов заговорили между собой:

– Где другая лестница?

– Я тут причем? Я должен был принести одну – другую нес Билл!

– Билл! Давай тащи ее сюда, приятель!

– Так, ставь их у этого угла!

– Не, сперва свяжи их вместе – так они и до половины не достанут!

– Ниче, достанут, не мелочись!

– Эй, Билл, лови веревку!

– Крыша-то выдержит?

– Там одна черепица шатается.

– Ой, падает! Головы берегите!

(Грохот)

– Ну, и кто это сделал?

– Да Билл, небось!

– Кто полезет в трубу?

– Не, я не полезу! Лучше *ты* !

– Еще чего, делать мне больше нечего!

– Билл полезет.

– Эй, Билл! Хозяин сказал, тебе лезть в трубу!

«Ага, стало быть, Билл должен будет спуститься в каминную трубу, так?

– сказала себе Алиса. – Ну, кажется, они все вешают на Билла! Не хотелось бы мне оказаться на его месте! Конечно, этот камин узкий, но, *думаю*, я могу малость лягаться.»

Она отодвинула ногу вниз по трубе, насколько могла, и подождала, пока не услышала, как какое-то маленькое животное (она не могла угадать, какое именно) ползет, скребя коготками и приближаясь к ее ноге; затем, сказав себе «Вот и Билл», резко наподдала ногой и принялась ждать, что будет.

Сначала она услышала общий хор: «Билл летит!», затем – одинокий голос Кролика: «Ловите его, там, у изгороди!», затем наступила пауза, а затем – снова раздался голоса:

– Держите ему голову!

– Давай брэнди!

– Не придушите его!

– Как это было, старина? Что с тобой случилось? Расскажи нам всем!

И, наконец, донесся слабый писклявый голос («Это Билл», подумала Алиса):

– Ну, я толком не знаю – больше не надо, спасибо, мне уже лучше – но я слишком взволнован, чтобы рассказать вам... все, что я знаю – что-то налетело на меня снизу, как чертик-из-шкатулки,^[13] и я ка-ак взлетел, ну словно ракета!

– Это точно, старина! – согласились остальные.

– Мы должны сжечь дом! – сказал голос Кролика, и Алиса закричала во все горло:

– Только попробуйте, я на вас Дину напущу!

Моментально установилась мертвая тишина, и Алиса подумала: «Интересно, что они сделают в следующий раз? Если бы у них было хоть немного ума, они бы сняли крышу.» Через-минуту другую они снова задвигались, и Алиса услышала, как Кролик сказал: «Тачки будет достаточно, для начала.»

«Тачки *чего*?» – подумала Алиса; однако ей не пришлось долго гадать, так как в следующий момент в окно градом посыпались камешки, и несколько штук угодило ей в лицо. «Я прекращу это», – сказала она себе и крикнула: «Лучше не пытайтесь проделать это снова!», что вновь вызвало мертвую тишину.

Алиса заметила с некоторым удивлением, что все камешки превращаются в маленькие пирожные, как только падают на пол, и в голову ей пришла блестящая идея. «Если я съем одно из этих пирожных, – подумала она, – мой размер наверняка изменится; а так как увеличиваться мне уже некуда, то, очевидно, я должна уменьшиться.»

Так что она проглотила одно пирожное и, к радости своей, убедилась, что начала уменьшаться. Как только она стала достаточно маленькой, чтобы пройти в дверь, она выбежала из дома и увидела целую толпу мелких животных и птиц, ожидавших снаружи. Билл, бедная маленькая ящерка, был в середине; его держали две морские свинки, поившие его чем-то из бутылочки. Все они бросились к Алисе, едва та появилась, но она пустилась бежать со всех ног и вскоре была уже в безопасности под сенью густого леса.

«Первое, что я должна сделать, – сказала себе Алиса, пока брела по лесу, – это вырасти до моего правильного роста; а второе – отыскать дорогу в тот чудный сад. По-моему, это самый лучший план.»^[14]

План получился, без сомнения, отличный – изящный и простой; единственная трудность состояла в том, что Алиса не имела ни малейшего понятия, как воплотить его в жизнь. Она настороженно взглядывалась в чашу, как вдруг пронзительный лай, раздавшийся прямо над головой, заставил ее поспешно вскинуть глаза.

Огромный щенок смотрел на нее сверху вниз большими круглыми глазами и нерешительно тянул лапу, пытаясь ее потрогать. «Ах ты маленький бедняжка!»,

– сказала Алиса лстивым голосом и попыталась посвистеть ему, однако была слишком напугана, поскольку подумала, что щенок может быть голодным, и в этом случае он очень

даже запросто слопает ее, сколько перед ним ни заискивай.

С трудом понимая, что делает, Алиса подобрала маленькую обломанную палку и дала ее щенку; тот, радостно взвизгнув, подпрыгнул в воздух всеми четырьмя лапами сразу, и бросился на палку, и начал демонстративно грызть ее; тогда Алиса отскочила назад, за огромный куст чертополоха, чтобы не угодить ему под ноги, и в тот момент, когда она оказалась с другой стороны куста, щенок вновь набросился на палку, но в спешке не удержался на ногах и кувырнулся через голову; тогда Алиса, думая, что это весьма похоже на игру с ломовой лошастью, и, боясь оказаться растоптанной в любой момент, снова обежала вокруг куста; тут щенок начал серию коротких атак на палку, всякий раз пробегая очень недалеко вперед, зато далеко пятясь назад, и уже охрипнув от непрерывного лая – пока, в конце концов, не уселся совершенно умотанный, часто дыша, высунув язык и полуприкрыв глаза.

Алиса сочла, что это хорошая возможность улизнуть, и пустилась бежать; она остановилась лишь тогда, когда совсем выбилась из сил и запыхалась, и все равно лай щенка был еще хорошо слышен вдалеке.

«И все же, какой это был миленький щенок!, – сказала Алиса; она отдыхала, прислонившись к стеблю лютика, и обмахивалась его листком. – Мне бы так хотелось обучить его всяким трюкам, если бы... если бы я только была подходящего размера! Ой, я же чуть не забыла, что мне нужно снова вырасти! Так, подумаем, как же это устроить? Наверное, я должна что-то съесть или выпить; вот только большой вопрос, что именно?»

Действительно, это был большой вопрос. Алиса окинула взглядом цветы и траву вокруг, но не увидела решительно ничего, что выглядело бы пригодным в пищу или для питья. Неподалеку от нее рос большой гриб, высотой почти с нее саму, и после того, как она заглянула под него, и по обе стороны от него, и за него, ей пришло в голову, что надо бы посмотреть, нет ли чего на шляпке.

Так что она поднялась на цыпочки, вытянула шею и заглянула через край гриба – и незамедлительно встретила взглядом с большой синей гусеницей, которая сидела на шляпке, сложив руки, и спокойно курила длинный кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на Алису, ни на что-либо еще.

Глава V. Совет гусеницы

Гусеница и Алиса молча смотрели друг на друга; наконец Гусеница вынула мундштук изо рта и обратилась к Алисе вялым, сонным голосом.

– Кто *ты* такая? – произнесла Гусеница.

Это было не самое располагающее начало беседы. Алиса ответила довольно застенчиво:

– Я... я и сама толком не понимаю, мэм, в смысле, сейчас... я знаю только, кем я была, когда встала сегодня утром, но, кажется, с тех пор я уже несколько раз менялась.

– Что ты имеешь в виду? – строго спросила Гусеница. – Объяснись.

– Боюсь, мэм, что я не могу *объяснить себя*, – сказала Алиса, которая поняла слово «объясниться» именно так, – потому что, видите ли, я

– это не я.

– Не вижу, – отрезала Гусеница.

– Боюсь, я не могу рассказать яснее, – повторила Алиса очень вежливо,

– потому что, прежде всего, сама этого не понимаю; и столько раз за день меняться в размерах – это так запутывает...

– Ничуть, – возразила Гусеница.

– Ну, может быть, вы просто еще с этим не сталкивались, – сказала Алиса, – но когда вы станете превращаться в куколку – вы же знаете, когда-нибудь вам придется – а потом в бабочку, думаю, вы почувствуете себя немного странно, не так ли?

– Ни на йоту, – ответила Гусеница.

– Ну, может быть, у вас другие чувства, – согласилась Алиса, – я знаю только, что я бы чувствовала себя очень странно.

– Ты! – презрительно произнесла Гусеница. – Кто *ты* такая?

Что возвращало их к началу разговора. Алису начала раздражать манера Гусеницы давать *столь* краткие ответы, так что она приосанилась и заявила очень веским тоном:

– Полагаю, сначала вы должны мне сказать, кто *вы* такая.

– Почему? – спросила Гусеница.

Это был еще один загадочный вопрос; и, поскольку Алиса не смогла придумать ни одной убедительной причины, а Гусеница, похоже, пребывала в *очень* скверном настроении, девочка попросту повернулась и пошла прочь.

– Вернись! – окликнула ее Гусеница. – Я скажу тебе кое-что важное!

Это, конечно, звучало многообещающе; Алиса развернулась и пошла обратно.

– Держи себя в руках, – сказала Гусеница.

– Это все? – спросила Алиса, пытаясь скрыть свой гнев, насколько это было возможно.

– Нет, – ответила Гусеница.

Алиса решила, что может и подождать, благо делать все равно нечего, а Гусеница, может быть, все-таки скажет в конце концов что-то важное. В течение нескольких минут Гусеница лишь молча пускала клубы дыма, но затем, наконец, расплела руки, вновь вынула мундштук изо рта и сказала:

– Значит, ты думаешь, что изменилась, так?

– Боюсь, что да, мэм, – сказала Алиса, – Я не могу вспомнить вещи, которые знала – и не проходит и десяти минут, чтобы мой рост не менялся!

– Не может вспомнить *какие* вещи? – спросила Гусеница.

– Ну, я пыталась прочитать «Трудолюбивую пчелу», но вышло что-то совсем другое! – ответила Алиса очень печальным голосом.

– Прочти «Ты уж стар, папа Вильям», [15] – предложила Гусеница.

Алиса сложила руки и начала:

«Ты уж стар, папа Вильям, – юнец произнес, –
Волос твой побелел радикально,
Но стоишь вверх ногами! Ответь на вопрос –
В твоём возрасте это нормально?»
«С юных дней, – папа Вильям промолвил в ответ, –
Думал я – это мозгу опасно,
Но поняв, что мозгов в голове моей нет,
На макушке стою ежечасно.»
«Ты уж стар, – молвил сын, – как я раньше сказал,
Да и жиром изрядно набит;
Отчего ж ты не входишь, как прочие, в зал,
А в дверях исполняешь кульбит?»
«С юных дней, – молвил старец, тряхнув сединой, –
Я поддерживал гибкой осанку,
Ибо мазал конечности мазью одной –
Вот, не купишь ли? Шиллинг за банку!»
«Ты уж стар, твоя челюсть беззубая вся,
Ей лишь студень жевать остается;
Ты ж съедаешь с костями и клювом гуся –
Объясни, как тебе удастся?»
«С юных дней, – старец рек, – по судам я ходил,
Вел с женой в каждом случае спор,

И развил свою челюсть, что твой крокодил –
Не ослабла она до сих пор.»
«Ты уж стар, – молвил сын, – и, вообще говоря,
Глаз твой менее зорек, чем прежде,
Как же ты в равновесии держишь угря
На носу?[1б] Объясни мне, невежде.»
«Хватит! На три вопроса получен ответ! –
Крикнул старец нахальному сыну, –
Целый день, что ли, слушать мне этакый бред?
Прочь ступай, или с лестницы скину!»

– Это неправильно, – сказала Гусеница.

– Не *совсем* правильно, боюсь, – робко произнесла Алиса, – некоторые слова получились не те.

– Это неверно от начала до конца, – решительно заявила Гусеница, и на несколько минут повисла тишина.

Гусеница заговорила первой.

– Какого размера ты хочешь быть? – спросила она.

– Ах, дело даже не в точном размере, – поспешно ответила Алиса, – лишь бы он не менялся так часто, знаете ли.

– Не знаю, – отрезала Гусеница.

Алиса ничего не сказала; за всю ее жизнь ей столько не противоречили, и она чувствовала, что начинает терять самообладание.

– Тот, что сейчас, тебя устраивает? – спросила Гусеница.

– Ну, я хотела быть *чуть-чуть* побольше, мэм, если вы не возражаете, – сказала Алиса, – трю дюйма – это такой никудышный рост.

– Это замечательный рост! – гневно воскликнула Гусеница, вытягиваясь во всю свою длину (в ней было ровно три дюйма).

– Но я к нему не привыкла! – жалобно оправдывалась бедная Алиса, думая про себя: «Хорошо бы эти создания не были такими обидчивыми!»

– Со временем привыкнешь, – сказала Гусеница, после чего засунула мундштук в рот и вновь принялась курить.

Теперь Алиса терпеливо ждала, пока та не заговорит снова. Спустя минуту или две Гусеница вынула кальян изо рта, зевнула раздругой и встряхнулась. Затем она спустилась с гриба и поползла прочь в траву, мимоходом бросив: «Одна сторона сделает тебя больше, другая – меньше.»

«Одна сторона *чего* ? Другая сторона *чего* ?» – подумала про себя Алиса.

«Гриба», – сказала Гусеница, словно ее спросили вслух; и в следующий момент ее уже не было видно.

Алиса осталась на месте, задумчиво разглядывая гриб и пытаясь определить, где у него одна и другая сторона; а поскольку гриб был совершенно круглый, вопрос оказался очень непростым. Тем не менее, в конце концов она обхватила шляпку руками, насколько хватило их длины, и отломила каждой рукой по куску.

«Ну а теперь – какой из них какой?» – спросила она себя и откусила чуть-чуть от правого, чтобы проверить эффект; в следующий миг она почувствовала сильный удар снизу в подбородок – он стукнулся о ее ноги!

Она была ужасно испугана этим стремительным превращением, но чувствовала, что нельзя терять ни секунды, ибо она стремительно сжималась; так что она постаралась поскорей откусить от другого куска. Ее подбородок так основательно прижало к ногам, что открыть рот было почти невозможно; но ей все же удалось сделать это и проглотить часть

куска из левой руки.

«Итак, голова свободна!» – воскликнула Алиса с радостью, которая в следующий момент превратилась в тревогу, поскольку теперь она не могла обнаружить собственные плечи: все, что она могла разглядеть, посмотрев вниз

– это колоссальной длины шея, поднимавшаяся, словно гигантский стебель, над морем зеленой листвы.

«Чем *может* быть вся эта зелень? – спросила Алиса. – И *куда* подевались мои плечи? И, ой, мои бедные ручки, почему я вас не вижу?» Говоря это, она пошевелила ими, но это не дало результата – разве что легкий трепет прошел по листве далеко вниз.

Поскольку у нее, похоже, не было возможности поднести руки к голове, она попробовала опустить голову к рукам, и с радостью убедилась, что ее шея легко изгибается в любом направлении, словно змея. Ей как раз удалось изогнуть ее грациозным зигзагом, и она собиралась нырнуть в листву, оказавшуюся ничем иным, как кронами деревьев, под которыми она бродила перед этим – как вдруг резкий свист заставил ее поспешно отпрянуть; большая голубка бросилась ей прямо в лицо и принялась чувствительно бить крыльями.

– Змея! – кричала Голубка.

– Я *не* змея! – негодуя воскликнула Алиса. – Оставьте меня в покое!

– А я говорю – змея! – повторила Голубка, однако, уже более сдержанным тоном, а затем добавила, чуть не плача: – Я все перепробовала, но им ничего не подходит!

– Не имею ни малейшего понятия, о чем вы говорите, – сказала Алиса.

– Я пробовала корни деревьев, я пробовала берега, я пробовала живые изгороди, – продолжала Голубка, не слушая Алису, – но эти змеи! Ничто им не по нраву! [17]

Алиса все больше и больше недоумевала, однако она решила, что нет смысла что-либо говорить, пока Голубка не закончит.

– Как будто и без того мало хлопот с высиживанием яиц, – говорила Голубка, – так я еще должна ночью и днем высматривать змей! Да я глаз не сомкнула в последние три недели!

– Мне очень жаль, что вам так досаждают, – сказала Алиса, которая начала понимать.

– И вот, едва лишь я перебралась на самое высокое дерево в лесу, – продолжала Голубка, и голос ее поднялся до крика, – и едва я решила, что наконец-то от них избавилась, как они, извиваясь, спускаются прямо с неба! У, змеюка!

– Но я *не* змея, говорю же вам! – сказала Алиса. – Я...

– Ну и? *Что* же ты такое? – осведомилась Голубка. – Вижу, ты пытаешься что-то придумать!

– Я... Я девочка, – произнесла Алиса не слишком уверенно, ибо помнила, через сколько превращений прошла в этот день.

– Ну разумеется! – воскликнула Голубка тоном глубочайшего презрения.

– Я повидала достаточно девочек на своем веку, но ни *одной* с такой шеей, как эта! Нет, нет! Ты змея; и отрицать это бесполезно. Ты, пожалуй, теперь еще заявишь, что никогда не пробовала яиц!

– Я *пробовала* яйца, разумеется, – сказала Алиса, которая была очень правдивым ребенком, – но девочки, знаете ли, едят яйца, как и змеи.

– Я этому не верю, – сказала Голубка, – но если они это делают, значит, они тоже – разновидность змей, вот и все, что я могу сказать!

Для Алисы эта идея была совершенно новой, так что она замолчала на минуту-другую, что дало Голубке возможность добавить:

– Ты ищешь яйца, *это-то* я знаю прекрасно, а значит, какая для меня разница, девочка ты или змея?

– Зато для *меня* это большая разница, – поспешно сказала Алиса, – и вообще, я не ищу никаких яиц, а если бы даже и искала, то ваши мне не нужны: я не люблю сырые.

– Ну и убирайся, в таком случае! – сердито сказала Голубка, возвращаясь в свое гнездо. Алиса пригнулась, опускаясь между деревьями настолько, насколько могла – ибо ее шея все время путалась в ветвях, и ей то и дело приходилось останавливаться, чтобы распутаться. Затем она вспомнила, что все еще держит в руках куски гриба, и очень осторожно принялась за дело, откусывая то от одного, то от другого, и тем самым то увеличиваясь, то уменьшаясь, пока, наконец, не стала своего обычного роста.

Она уже так давно не была даже близко к нормальному размеру, что поначалу ей это показалось довольно странным, однако за несколько минут она привыкла, и, как обычно, заговорила сама с собой: «Ну вот, половина плана выполнена! Как загадочны все эти превращения! Никогда не знаешь, чем станешь в следующую минуту! Однако, я снова правильного размера; следующая задача – попасть в тот прелестный сад; но как *это* сделать, хотелось бы мне знать?» И, сказав это, она вдруг вышла на открытое пространство, где стоял домик высотой около четырех футов. «Кто бы там ни жил, – подумала Алиса, – никак не годится идти к ним, будучи такого размера; я ведь их до смерти перепугаю!» Так что она принялась откусывать от кусочка из правой руки, и не рискнула идти к домику, пока не уменьшилась до девяти дюймов.

Глава VI. Поросенок и перец

Минуту-другую она простояла, глядя на дом и раздумывая, что делать дальше, как вдруг из леса выбежал ливрейный лакей (Алиса сочла его ливрейным лакеем, потому что на нем была ливрея; иначе, если бы она судила только по лицу, то назвала бы его рыбой) и громко забарабанил в дверь. Дверь открыл другой ливрейный лакей, с круглой физиономией и большими глазами, как у лягушки; оба лакея, как заметила Алиса, носили большие завитые пудренные парики. Ей стало очень любопытно, что все это значит, и она подкралась чуточку поближе, чтобы послушать.

Лакей-Рыба начал с того, что извлек из-под мышки огромное письмо, размером почти с него самого, и вручил его второму лакею, говоря торжественным тоном: «Для Герцогини. Приглашение от Королевы на игру в крокет.» Лакей-Лягушка повторил столь же торжественно, слегка поменяв порядок слов: «От Королевы. Приглашение для Герцогини на игру в крокет.»

После чего они низко поклонились друг другу, и букли их париков перепутались.

Алису разобрал такой смех, что ей пришлось отбежать назад в лес, чтобы они ее не услышали, а когда она снова выглянула из-за деревьев, Лакей-Рыба уже ушел, а второй сидел на земле возле двери, тупо уставясь в небо.

Алиса робко подошла к двери и постучала.

– Стучать нет никакого смысла, – сказал лакей, – и тому есть две причины: во-первых, потому что я с той же стороны двери, что и вы, а во-вторых, они внутри так шумят, что никто вас не услышит.

И действительно, из дома доносился необыкновенный шум – непрерывные плач и чихание, то и дело сопровождавшиеся жутким грохотом бьющейся посуды.

– Тогда объясните, пожалуйста, – сказала Алиса, – как мне войти?

– Был бы некоторый смысл стучать, – продолжал лакей, не обращая на нее внимания, – если бы дверь была между нами. Например, если бы вы были внутри, вы могли бы постучать, и я мог бы вас выпустить, вы понимаете, – он продолжал все время смотреть в небо, пока говорил, и Алиса подумала, что это весьма невежливо. «Но, возможно, он ничего не может с этим поделать, – сказала она себе, – ведь его глаза *так* близко к макушке! Но, в любом случае, он мог бы отвечать на вопросы!»

– Как мне войти? – громко повторила она.

– Я буду сидеть здесь, – заметил лакей, – до завтра...

В этот момент дверь дома распахнулась, и большое блюдо полетело оттуда прямо лакею в голову; но оно лишь слегка чиркнуло по его носу и разбилось в куски о дерево за его

спиной.

– ... или, может быть, до послезавтра, – продолжал лакей тем же тоном, словно ничего не случилось.

– Как мне войти?! – спросила Алиса еще громче.

– А вам вообще нужно входить? – сказал лакей. – Сперва надо решить этот вопрос, знаете ли.

Это было, без сомнения, справедливо; вот только Алиса не любила, когда с ней так говорили. «Это просто ужасно, – пробормотала она про себя, – вот ведь манера спорить у всех этих существ! Они кого угодно с ума сведут!»

Лакей, похоже, решил, что это подходящая возможность повторить свои прошлые рассуждения, с некоторыми вариациями.

– Так и буду сидеть здесь, – сказал он, – с перерывами, день за днем...

– А мне что делать? – воскликнула Алиса.

– Все, что хотите, – ответил лакей и принялся насвистывать.

«Ох, нет никакого смысла говорить с ним, – сказала, отчаявшись, Алиса,

– он же совершенный идиот!» Так что она открыла дверь и вошла.

Дверь вела прямо в большую кухню, которая была полна дымом из конца в конец; в середине на трехногом табурете сидела Герцогиня и нянчила младенца; кухарка склонилась над огнем, помешивая в большом котле, который, по всей видимости, был полон супом.

«В этом супе явно слишком много перца!» – сказала себе Алиса (что было не просто из-за разобравшего ее чиха).

В самом деле, в воздухе было слишком много перца. Даже Герцогиня почихивала время от времени; что же до ребенка, то он поочередно чихал и плакал, не переставая ни на секунду. Не чихали только два существа в кухне: кухарка и большой кот, который сидел у очага и улыбался от уха до уха.

– Скажите, пожалуйста, – произнесла Алиса с некоторой робостью, ибо была не вполне уверена, что с ее стороны будет вежливо заговорить первой, – почему ваш кот так улыбается?

– Это чеширский кот,[18] – сказала Герцогиня, – вот почему. Поросяенок!

Последнее слово она произнесла с такой внезапной злостью, что Алиса аж подпрыгнула, но в следующий момент поняла, что это было адресовано ребенку, а не ей, так что она набралась смелости и продолжила:

– Я не знала, что чеширские коты всегда улыбаются; по правде говоря, я не знала, что коты вообще *могут* улыбаться.

– Все они могут, – сказала Герцогиня, – и большинство из них так и делает.

– А я не знаю ни одного такого, – сказала Алиса очень вежливо, весьма довольная, что ей удалось завязать беседу.

– Ты мало что знаешь, – отрезала Герцогиня, – и это факт.

Алисе совсем не понравился тон этого замечания, и она решила, что лучше бы сменить тему разговора. Пока она пыталась подобрать подходящую, кухарка сняла котел с супом с огня, и сразу же принялась швырять все, до чего могла дотянуться, в Герцогиню и ребенка – первыми полетели каминные щипцы, кочерга и совок, затем градом посыпались кастрюли, тарелки и блюда. Герцогиня не обращала на них никакого внимания, даже когда они попадали в нее; ребенок же и без того так орал, что невозможно было понять, больно ему от этих ударов или нет.

– Ой, пожалуйста, думайте, что вы делаете! – закричала Алиса, подсакивая в ужасе. – Ой, прямо в его милый носик! – как раз в этот момент особенно большая кастрюля пролетела от носа младенца так близко, что лишь чудом не снесла его.

– Если бы никто не лез в чужие дела, – хрипло проворчала Герцогиня,

– мир вертелся бы быстрее.

– Но это *не* было бы преимуществом, – сказала Алиса, которая была очень рада возможности продемонстрировать часть своих познаний. – Только подумайте, что стало бы с днем и ночью! Видите ли, земля оборачивается вокруг своей оси за двадцать четыре часа, так что, если двадцать четыре часа назад было утро, то пора...

– Кстати, о топорах, – сказала Герцогиня. – Отрубить ей голову!

Алиса метнула довольно встревоженный взгляд на кухарку, проверяя, как та воспримет этот намек; но кухарка была занята помешиванием супа и, кажется, не слушала, так что Алиса вновь попыталась развить мысль:

– Двадцать четыре часа, я думаю ... или двенадцать? Я...

– Ох, не утомляй этим *меня*, – сказала Герцогиня. – Я никогда не выносила цифры, – и она снова принялась баюкать своего ребенка, напевая при этом своего рода колыбельную и свирепо встряхивая его в конце каждой строчки:[19]

Будь груб с малюткой, и, грубя,
Лупи, коль он чихает;
Специально дразнит он тебя,
Нарочно досаждаст. Припев хором подхватили кухарка и
мальш:

Вау! Вау! Вау!

Пока Герцогиня пела второй куплет, она яростно раскачивала ребенка вверх-вниз, и бедняжка вопил так громко, что Алиса с трудом различала слова песни:

Я сына бью и буду бить
Едва он зачихает;
Он мог бы перец полюбить,
Однако не желает!
Вау! Вау! Вау!

– Вот, можешь понянчить его, если хочешь! – сказала Герцогиня Алисе, бросая ей младенца. – Мне нужно пойти подготовиться к крокету у Королевы,

– и она поспешила прочь из комнаты. Кухарка метнула ей вслед сковородку, но промахнулась.

Алиса поймала ребенка не без труда, поскольку он был какой-то странный и растопыривал руки и ноги во все стороны – «словно морская звезда», подумала Алиса. Бедняжка пыхтел, как паровоз, когда она подхватила его, и притом сгибался пополам и снова разгибался, так что в первую пару минут все, что ей удавалось – это просто держать его.

Как только она поняла, как нужно его нянчить (для этого следовало скрутить его в узел и потом крепко держать за правое ухо и левую ступню, не давая ему развернуться), она вынесла малютку на улицу. «Если я не унесу ребенка отсюда, – подумала Алиса, – за деньдругой они его наверняка прикончат; разве оставлять его здесь – не убийство?» Последние слова она произнесла вслух, и малыш хрюкнул в ответ (к этому времени он уже перестал чихать). «Не хрюкай, – сказала Алиса, – негоже выражать свои мысли таким способом».

Малютка снова хрюкнул, и Алиса с большим беспокойством заглянула ему в лицо, чтобы понять, что с ним. Вне всякого сомнения, у него был *слишком* курносый нос, куда более похожий на пяточок, нежели на нормальный нос; и глазки у него были слишком уж маленькие для ребенка; в общем, Алисе совсем не понравилось, как он выглядел. «Но, может быть, он просто всхлипнул», – подумала она и снова заглянула ему в глаза, проверяя, есть ли там слезы.

Нет, слез не было. «Если ты собираешься превратиться в поросенка, мой дорогой, –

серьезно сказала Алиса, – я не стану больше о тебе заботиться. Учти это!» Малышка снова всхлипнул (или хрюкнул, точно определить было невозможно), и какое-то время они двигались молча.

Алиса как раз начала думать: «Ну, и что я буду делать, когда принесу его домой?» – когда он снова хрюкнул, да так громко, что она взглянула на его лицо в испуге. На сей раз не могло быть *никакой* ошибки: это был поросенок, не более и не менее, и она почувствовала, что было бы совершенным абсурдом нести его дальше.

Так что она спустила малыша на землю, и с немалым облегчением наблюдала, как он трусит прочь в направлении леса. «Если бы он вырос, – сказала она себе, – то был бы ужасно уродливым ребенком; а поросенок из него вышел, по-моему, вполне симпатичный.» И она принялась думать о других знакомых детях, из которых получились бы очень славные поросята, и как раз сказала себе: «Если бы я только знала, как их превратить...» – как вдруг вздрогнула от испуга, увидев Чеширского Кота, сидевшего на ветке дерева в нескольких ярдах от нее.

Кот лишь улыбнулся, когда заметил Алису. «Он выглядит добродушным», – подумала она; в то же время у него были *очень* длинные когти и великое множество зубов, что заставляло относиться к нему с уважением.

– Чеширский Кис-Кис, – начала она, довольно робко, ибо не знала, понравится ли ему это имя; однако кот лишь улыбнулся еще шире. «Кажется, пока что ему нравится», – подумала Алиса и продолжила: – Будьте добры, вы не подскажете мне дорогу отсюда?

– Это зависит главным образом от того, куда ты хочешь попасть, – сказал Кот.

– Мне не так уж важно, куда... – начала Алиса.

– Тогда неважно, какой дорогой идти, – сказал Кот.

– ...я просто хочу попасть *куда-нибудь*, – добавила в качестве объяснения Алиса.

– Ну, туда ты наверняка попадешь, – сказал Кот, – если только будешь идти достаточно долго.

Алиса почувствовала, что возразить на это нечего, так что она попробовала задать другой вопрос:

– Что за народ живет поблизости?

– В *той* направлении, – сказал Кот, махнув правой лапой, – живет Шляпник; а в *той* направлении, – он махнул другой лапой, – живет Мартовский Заяц. Навести, кого хочешь; оба они сумасшедшие.[20]

– Но я не хочу идти к сумасшедшим, – заметила Алиса.

– Ну, тут уж ничего не поделаешь, – сказал Кот, – мы все здесь сумасшедшие. Я сумасшедший. Ты сумасшедшая.

– С чего вы взяли, что я сумасшедшая? – спросила Алиса.

– Это должно быть так, – сказал Кот, – иначе ты бы сюда не попала.

Алиса не думала, что это что-то доказывает; однако, она продолжала:

– И откуда вы знаете, что вы сумасшедший?

– Начнем с того, – сказал Кот, – что пес – не сумасшедший. Ты согласна?

– Думаю, да, – сказала Алиса.

– Тогда смотри, – продолжал Кот, – пес ворчит, когда сердит, и виляет хвостом, когда доволен. Я же ворчу, когда доволен, и виляю хвостом, когда сердит. Следовательно, я сумасшедший.

– Я называю это мурлыканьем, а не ворчанием, – возразила Алиса.

– Называй это, как хочешь, – сказал Кот. – Ты сегодня играешь в крокет с Королевой?

– Мне бы очень хотелось, – сказала Алиса, – но меня пока что не приглашали.

– Увидимся там, – сказал Кот и исчез.

Алиса не слишком удивилась этому, поскольку уже вполне привыкла к странным вещам. Пока она смотрела на то место, где он только что был, он вдруг появился снова.

– Кстати, что стало с ребенком? – спросил Кот. – Я чуть не забыл спросить.

– Он превратился в поросенка, – ответила Алиса совершенно спокойно, как будто Кот вернулся обычным способом.

– Я так и думал, – сказал Кот и снова исчез.

Алиса немного подождала, с затаенной надеждой, что он появится снова, но он не появился, и через минуту-другую она пошла в ту сторону, где жил Мартовский Заяц. «Шляпников я прежде видела, – сказала она себе, – Мартовский Заяц – это намного более интересное, и может быть, поскольку сейчас май, он не слишком безумен – во всяком случае, не так, как в марте.» Сказавши это, она подняла глаза, и вновь увидела Кота, сидящего на ветке дерева.

– Ты сказала «в поросенка» или «в карасенка»? – спросил Кот.

– Я сказала «в поросенка», – ответила Алиса, – и не могли бы вы появляться и исчезать не так внезапно? От этого голова идет кругом.

– Хорошо, – согласился Кот; в этот раз он исчез постепенно, начав с кончика хвоста и закончив улыбкой, которая парила в воздухе еще некоторое время после того, как все остальное пропало.

«Ну, я часто видела котов без улыбки, – подумала Алиса, – но чтоб улыбку без кота! Это самая странная вещь, какую я вижу за всю свою жизнь!»

Ей не пришлось идти слишком долго, прежде чем она увидела дом Мартовского Зайца; она решила, что это именно тот дом, поскольку каминные трубы по форме напоминали заячьи уши, и крыша была покрыта мехом. Дом был так велик, что она предпочла не подходить ближе, пока не съела достаточно от левого куска гриба и не выросла до двух футов; и даже после этого она направилась к дому довольно робко, говоря про себя: «А вдруг он все-таки буйный? Я уже почти уверена, что лучше бы я навестила Шляпника!»

Глава VII. Безумное чаепитие

Перед домом под деревом стоял стол, за которым пили чай Мартовский Заяц и Шляпник; между ними сидела Соня, погруженная в сон, и они использовали ее в качестве подушки, облокачиваясь на нее и переговариваясь через ее голову. «Очень неудобно для Сони, – подумала Алиса, – только, поскольку она спит, ей, должно быть, все равно.»

Стол был велик, но троица сгрудилась в одном его углу; «Мест нет! Мест нет!» – закричали они, увидев приближающуюся Алису. «Мест сколько угодно!»

– возмущенно сказала Алиса и уселась в большое кресло во главе стола.

– Выпей вина, – ободряюще предложил Мартовский Заяц.

Алиса окинула взглядом весь стол, но там не было ничего, кроме чая.

– Не вижу никакого вина, – заметила она.

– Его здесь и нет, – сказал Мартовский Заяц.

– В таком случае, не очень-то вежливо с вашей стороны предлагать его!

– сердито сказала Алиса.

– Не очень-то вежливо с твоей стороны садиться за стол без приглашения, – сказал Мартовский Заяц.

– Я не знала, что это *ваш* стол, – сказала Алиса. – он накрыт куда больше, чем на троих.

– Твои волосы соскучились по стрижке, – сказал Шляпник. Перед этим он какое-то время разглядывал Алису с большим любопытством, и это были первые его слова.

– Вам бы следовало усвоить, что нельзя переходить на личности, – строго сказала Алиса, – это очень грубо.

Шляпник широко распахнул глаза, услышав это; однако *вслух* он произнес лишь:

– Чем ворон похож на конторку?[21]

«Ага, теперь будет веселее! – подумала Алиса. – Я рада, что они начали загадывать загадки».

– Полагаю, я смогу это отгадать, – добавила она вслух.

– Ты имеешь в виду, что думаешь, будто сможешь найти ответ? – спросил Мартовский Заяц.

– Именно так, – ответила Алиса.

– В таком случае, тебе следовало сказать то, что ты имела в виду, – продолжал Мартовский Заяц.

– Я так и делаю, – поспешно откликнулась Алиса, – ну, по крайней мере, я имею в виду то, что говорю – ведь это же то же самое.

– Ничуть не то же самое! – возразил Шляпник. – Ты бы еще сказала, что «я вижу то, что ем» – это то же самое, что и «я ем то, что вижу»!

– Ты бы еще сказала, – подхватил Мартовский Заяц, – что «я люблю то, что получаю» – это то же самое, что «я получаю то, что люблю»!

– Ты бы еще сказала, – добавила Соня, которая, по всей видимости, говорила во сне, – что «я дышу, когда сплю» – это то же самое, что «я сплю, когда дышу»!

– Для *тебя* это и впрямь то же самое, – сказал Шляпник, и на сем беседа оборвалась. Компания минутку просидела молча, в то время как Алиса пыталась вспомнить все, что знала о воронах и конторках – впрочем, знала она о них не слишком много.

Шляпник первым нарушил молчание.

– Какое сегодня число? – спросил он, оборачиваясь к Алисе; при этом он достал из кармана часы и смотрел на них обеспокоенно, периодически встряхивая их и поднося к уху.

Алиса немного подумала и ответила:

– Четвертое.

– Врут на два дня! – вздохнул Шляпник. – Говорил же тебе, не надо было смазывать их сливочным маслом! – добавил он, сердито глядя на Мартовского Зайца.

– Это было самое лучшее сливочное масло, – кротко ответил Мартовский Заяц.

– Да, но туда, должно быть, попали крошки, – проворчал Шляпник, – не надо было пихать масло внутрь хлебным ножом.

Мартовский Заяц взял часы и мрачно поглядел на них; затем он окунул их в чашку с чаем, и поглядел на них снова; однако ему не удалось придумать ничего лучше, чем повторить предыдущую реплику:

– Это было лучшее масло, ты же знаешь.

Алиса с любопытством глядела ему через плечо.

– Какие забавные часы! – заметила она. – Показывают число, но не показывают, который час!

– А с какой стати? – пробурчал Шляпник. – *Твои* часы показывают, какой сейчас год?

– Нет, конечно, – с готовностью ответила Алиса, – но это потому, что год не меняется очень долго.

– Вот и *в моем случае* то же самое, – сказал Шляпник.

Алиса была весьма озадачена. Реплика Шляпника показалась ей совершенно бессмысленной, хотя каждое слово было вполне понятным.

– Я не совсем поняла вас, – сказала она так вежливо, как только могла.

– Соня снова спит, – сказал Шляпник и капнул горячего чая Соне на нос. Та недовольно мотнула головой и произнесла, не открывая глаз: «Конечно, конечно, я как раз хотела сама это сказать».

– Ты уже отгадала загадку? – спросил Шляпник, вновь поворачиваясь к Алисе.

– Нет, я сдаюсь, – ответила Алиса, – какой ответ?

– Не имею ни малейшего понятия, – сказал Шляпник.

– Я тоже, – сказал Мартовский Заяц.

Алиса устало вздохнула.

– Думаю, ваше время можно было потратить лучше, – сказала она, – чем загадывая

загадки без ответов.

– Если бы ты так же хорошо знала Время, как я, – сказал Шляпник, – ты бы не называла его «оно». Время – он! [22]

– Не понимаю, что вы имеете в виду, – сказала Алиса.

– Конечно нет! – воскликнул Шляпник, презрительно дернув головой. – Ты, небось, даже ни разу не разговаривала с Временем!

– Наверное, нет, – осторожно ответила Алиса, – хотя я и провела немало времени за учебой.

– А, тогда все понятно, – сказал Шляпник. – Старик Время не станет терпеть, когда его пытаются *провести*. А вот если бы ты была с ним в хороших отношениях, он бы делал с часами практически все, что ты захочешь. Например, представь себе, что сейчас девять утра, как раз начинаются уроки; а ты только шепни намек Старику, и стрелки как закрутятся! Полвторого, пора обедать!

(«Хорошо бы так и было», – прошептал себе под нос Мартовский Заяц.)

– Это, конечно, было бы замечательно, – сказала Алиса задумчиво, – но тогда – ведь я бы не успела проголодаться.

– Поначалу, вероятно, так, – сказал Шляпник, – но ты могла бы сохранять полвторого столько, сколько пожелаешь!

– И что, *вам* такое удалось? – спросила Алиса.

Шляпник печально покачал головой.

– Мне – нет, – ответил он. – Мы поссорились в минувшем марте – как раз перед тем, знаешь ли, как *он* сошел с ума, – (Шляпник указал чайной ложкой на Мартовского Зайца). – Червонная Королева устраивала большой концерт, и я должен был петь:

Нетопырь, пари, пари!

С высоты на пир смотри! [23] Ты случайно не знаешь эту песню?

– Что-то такое я слышала, – сказала Алиса.

– Помнишь, как там дальше, – продолжал Шляпник:

Как поднос ты в вышине,

Что ты ешь, понять бы мне!

Пари, пари...

Тут Соня встрепенулась и принялась петь во сне: «Пари, пари, пари, пари...» – и продолжала в том же духе так долго, что им пришлось ущипнуть ее, чтобы остановить.

– Ну вот, едва я закончил первый куплет, – продолжал Шляпник, – когда Королева как закричит: «Да он просто убивает время! Отрубите ему голову!»

– Какая ужасная дикость! – воскликнула Алиса.

– И с тех самых пор, – заключил Шляпник жалобным тоном, – он не делает ничего, что я прошу! Теперь здесь всегда шесть часов. [24]

Алисе пришла в голову блестящая идея.

– Именно поэтому здесь так много чайной посуды? – спросила она.

– Именно, – вздохнул Шляпник, – здесь всегда время пить чай, и у нас даже нет времени помыть посуду.

– Значит, вы все время двигаетесь вокруг стола? – предположила Алиса.

– Именно так, – сказал Шляпник, – по мере использования посуды.

– Но что будет, когда вы снова доберетесь до начала? – рискнула спросить Алиса.

– Предлагаю переменить тему, – перебил Мартовский Заяц, зевая. – От этой я устал. Пусть юная леди расскажет нам историю.

– Боюсь, я ни одной не знаю, – ответила Алиса, несколько напуганная этим предложением.

– Тогда Соня расскажет! – закричали они оба. – Просыпайся, Соня! И они ущипнули ее сразу с обеих сторон.

Соня медленно открыла глаза.

– Я не спала, – сказала она слабым зашпанным голосом, – я слышала каждое ваше слово.

– Рассказывай историю! – потребовал Мартовский Заяц.

– Да, пожалуйста! – попросила Алиса.

– И побыстрее, – добавил Шляпник, – или ты снова уснешь прежде, чем закончишь.

– Давным-давно жили-были три маленькие сестрички, – поспешно затараторила Соня, – и их звали Элси, Лэси и Тилли,^[25] и жили они на дне колодца...

– А чем они там питались? – спросила Алиса, которую всегда очень интересовали вопросы еды и питья.

– Они питались патокой, – ответила Соня, подумав минуту-другую.

– Ну вы же понимаете, такого не могло быть, – мягко возразила Алиса,

– они бы заболели.

– Они и заболели, – сказала Соня, – серьезно заболели.

Алиса на какой-то момент попыталась представить себе, на что похож такой необычный образ жизни, но это было слишком загадочно, так что она задала следующий вопрос:

– Но почему они жили на дне колодца?

– Почему ты больше не пьешь чай? – серьезно спросил Алису Мартовский Заяц.

– Я еще ничего не пила, – ответила Алиса обиженным тоном, – так что я не могу пить больше.

– Ты хочешь сказать, что не можешь пить *меньше*, – сказал Шляпник,

– очень легко пить *больше*, чем ничего.

– А *вашего* мнения никто не спрашивал! – воскликнула Алиса.

– И кто теперь переходит на личности? – торжествующе осведомился Шляпник.

Алиса не знала, что бы такое на это ответить, так что она утешила себя чашкой чая с бутербродом, а затем обернулась к Соне и повторила вопрос: – Почему они жили на дне колодца?

Соне вновь подумала пару минут и наконец сказала:

– Это был паточный колодец.

– Таких не бывает! – начала Алиса очень сердито, но Шляпник и Мартовский Заяц зашикали на нее, а Соня обиженно надулась: – Если ты не умеешь себя прилично вести, досказывай историю сама!

– Нет, пожалуйста, продолжайте! – сказала Алиса очень скромно, – Я больше не буду перебивать. Наверное, где-то может быть такой.

– Такой, какой же еще! – негодуя воскликнула Соня. Тем не менее, она продолжила: – И эти три сестрички – они, понимаете ли, учились рисовать и при этом черпали...

– Черпали вдохновение? – спросила Алиса, совсем позабыв о своем обещании не перебивать.

– Патоку, – ответила Соня, на сей раз без всякого обдумывания.

– Мне нужна чистая чашка, – перебил Шляпник, – давайте пересядем.

Говоря это, он пересел на соседний стул, и Соня последовала за ним; Мартовский Заяц пересел на место Сони, а Алисе волей-неволей пришлось занять место Мартовского Зайца. Единственным, кто от всего этого выиграл, был Шляпник; Алиса же оказалась в заметно худшем положении, чем раньше, поскольку Мартовский Заяц только что опрокинул молочник в свою тарелку.

Алиса не хотела снова обидеть Соню, так что начала с большой осторожностью:

– Но я не могу понять. Откуда они черпали патоку?

– Ты можешь черпать воду из водяного колодца, – сказал Шляпник, – так что, я полагаю, можешь черпать и патоку из паточного – верно, тупица?

– Но ведь они жили в колодце *на дне*, – сказала Алисе Соне, предпочтя не заметить последнюю реплику.

– Конечно, они там жили, – ответила Соня, – в колодце, а *не над*.

Этот ответ настолько запутал бедную Алису, что некоторое время она не пыталась перебивать Соню.

– Они учились рисовать, – продолжала Соня, зевая и потирая глаза, ибо ее уже сильно клонило в сон, – и они рисовали самые разные вещи – все, которые начинаются на «М»...

– Почему на «М»? – спросила Алиса.

– Почему бы и нет? – ответил Мартовский Заяц.

Алиса умолкла.

Соня в очередной раз закрыла глаза и собиралась уже впасть в спячку, но, получив щипок от Шляпника, снова проснулась, слегка взвизгнув, и продолжала:

– ...которые начинаются на «М», такие как мышеловки, и месяц, и мысли, и массу – слышала, как говорят «у них масса общего» – ты когда-нибудь видела такую штуку, как рисование массы?

– Ну, сейчас-то вы меня спрашиваете, – сказала Алиса в большом смущении. – Я не думаю...

– Тогда не говори, – оборвал ее Шляпник.

Эта порция грубости переполнила чашу терпения Алисы; она встала в крайнем раздражении и пошла прочь; Соня немедленно уснула, и ни один из двух оставшихся не обратил на уход Алисы никакого внимания, хотя она оглянулась раз или два, с затаенной надеждой, что они станут звать ее, но в последний раз увидела лишь, как они пытаются засунуть Соню в чайник.

– Ни за что больше *сюда* не приду! – сказала Алиса, шагая по лесу,

– Это самое глупое чаепитие в моей жизни!

Едва она произнесла это, как заметила в одном из деревьев дверцу, которая прямо внутрь. «Это очень странно! – подумала она. – Но сегодня все странно. Думаю, я вполне могу войти.» И она вошла.

Она вновь оказалась в длинном зале неподалеку от стеклянного столика. «Теперь-то я лучше управлюсь с этим!», – сказала себе Алиса, и сначала взяла золотой ключик и отперла дверцу в сад. Затем она пожевала гриба (кусочек сохранился у нее в кармане), пока не стала высотой в фут; потом прошла через маленький ход и – оказалась наконец в прелестном саду, среди клумб с яркими цветами и прохладных фонтанов.

Глава VIII. Крокет Королевы

У входа в сад рос большой розовый куст; розы на нем были белые, но три садовника были заняты тем, что деловито перекрашивали их в красный цвет. Алиса подумала, что это очень странно, и подошла поближе посмотреть. Едва приблизившись, она услышала, как один из них сказал:

– Осторожней, Пятерка! Нечего брызгать на меня краской!

– А я что могу поделывать? – сердито откликнулся Пятерка. – Семерка толкнул меня под локоть!

На это Семерка взглянул вверх и заметил:

– Правильно, Пятерка! Всегда вали вину на других!

– *Ты* бы лучше молчал! – сказал Пятерка. – Я слышал, как Королева только вчера говорила, что тебе следует отрубить голову!

– За что? – поинтересовался тот, что говорил первым.

– Не *твое* дело, Двойка! – сказал Семерка.

– Нет, это *его* дело, – заявил Пятерка, – и я скажу ему. Это было за то, что он принес

повару корешки тюльпана вместо луковиц.

Семерка бросил наземь кисть и только было начал: «Ну, знаете ли, ничего более несправедливого...» – когда его взгляд упал на Алису, стоявшую рядом и наблюдавшую за ними, и он резко оборвал себя; остальные также оглянулись, и все трое низко поклонились.

– Скажите, пожалуйста, – произнесла Алиса с некоторой робостью, – почему вы красите эти розы?

Пятерка и Семерка ничего не ответили и лишь посмотрели на Двойку. Тихим голосом Двойка начал:

– Ну, дело в том, что, видите ли, мисс, здесь должен был быть куст с *красными* розами, а мы по ошибке посадили белые, и если Королева об этом проведает, всем нам отрубят головы, вы же знаете. Так что, как видите, мисс, мы стараемся изо всех сил, пока она не пришла, чтобы...

В этот миг Пятерка, который с опаской оглядывал сад, закричал «Королева! Королева!», и трое садовников тут же распластались ниц. Послышались звуки множества шагов, и Алиса огляделась в нетерпении, желая увидеть Королеву.

Первыми шли десять солдат с пиками наперевес; они были той же формы, что и садовники – прямоугольные и плоские, с руками и ногами по углам; следом шагали десять придворных, все увешанные бриллиантовыми орденскими крестами – они шли попарно, как и солдаты. За ними последовали королевские дети; их было десять, и милые крошки весело бежали вприпрыжку, тоже парами, держа друг друга за руки; одежды их были расшиты червонным золотом. Следом шли гости, все больше Короли и Дамы, и среди них Алиса узнала Белого Кролика; он говорил с нервной поспешностью, улыбаясь при каждом слове, и прошел мимо, не заметив Алисы. Затем шел Червонный Валет, неся королевскую корону на малиновой бархатной подушке; и, наконец, замыкали длинную процессию ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ и его ДАМА, то есть ЧЕРВОННАЯ КОРОЛЕВА.

У Алисы возникло некоторое сомнение, не следует ли и ей тоже упасть ниц, как трое садовников, но она не помнила, чтобы когданибудь слышала о подобном правиле; «и, кроме того, какой смысл устраивать процессии, – подумала она, – если все упадут ниц, и процессию никто не увидит?» Так что она осталась стоять на месте и ждать.

Когда процессия поровнялась с Алисой, они все остановились и посмотрели на нее, а Королева строго спросила: «Кто это?» Свой вопрос она обратила к Червонному Валету, но тот лишь поклонился и улыбнулся в ответ.

– Идиот, – сказала Королева, раздраженно дернув головой, и, повернувшись к Алисе, продолжила: – Как вас зовут, дитя?

– Меня зовут Алиса, с позволения вашего величества, – сказала Алиса очень вежливо; но про себя она прибавила: «Вообще-то они – просто колода карт, и не более чем. Я не должна их бояться.»

– А *это* кто такие? – сказала Королева, указывая на трех садовников, лежавших вокруг куста; лежали-то они лицами вниз, а рубашки у них были такие же, как и у всей колоды, так что Королева не могла определить, садовники это, солдаты, придворные или трое из ее собственных детей.

– Откуда я знаю? – ответила Алиса, удивляясь собственной смелости.

– Это не *мое* дело.

Королева побагровела от ярости; несколько секунд она испепеляла Алису взглядом дикого зверя, а потом принялась кричать:

– Отрубить ей голову! От...

– Чепуха! – сказала Алиса очень громко и решительно, и Королева замолчала.

Король дотронулся до ее руки и робко сказал:

– Подумай, дорогая, ведь она всего лишь ребенок!

Королева зло отвернулась от него и велела Валету:

– Переверните их!

Валет так и сделал – очень осторожно, ногой.

– Встать! – приказала Королева громким пронзительным голосом, и три садовника моментально вскочили и принялись кланяться Королю, Королеве, королевским детям и всем остальным.

– Прекратите! – рявкнула Королева. – У меня от вас голова кружится,

– и затем, повернувшись к розовому кусту, добавила: – Что это вы здесь делали?

– Если ваше величество позволит, – начал Двойка очень смиренным голосом, опускаясь на одно колено, – мы пытались...

– Вижу! – сказала Королева, успевшая в это время осмотреть розы. – Отрубить им головы!

И процессия двинулась дальше, за исключением трех солдат, оставшихся, чтобы казнить несчастных садовников, которые бросились за защитой к Алисе.

– Вас не казнят! – сказала Алиса и сунула их в большой цветочный горшок, стоявший неподалеку. Три солдата побродили вокруг минуту-другую в поисках приговоренных, а затем спокойно отправились догонять остальных.

– Их головы отрублены? – крикнула Королева.

– Пропали их головы, с дозволения вашего величества! – гаркнули в ответ солдаты.

– Прекрасно! – крикнула Королева. – В крокет играть умеете?

Солдаты молчали и смотрели на Алису, так что вопрос, по всей видимости, предназначался ей.

– Да! – крикнула Алиса.

– Тогда пошли! – взревела Королева, и Алиса присоединилась к процессии, недоумевая, что же будет дальше.

– Какой... какой чудесный денек! – сказал робкий голос сбоку от нее. Рядом с Алисой семенил Белый Кролик, обеспокоенно заглядывая ей в лицо.

– Чудесный, – сказала Алиса, – где Герцогиня?

– Тсс! Тсс! – торопливо зашикал Кролик. Он опасливо оглянулся через плечо, приподнялся на цыпочки, приблизив рот к ее уху, и прошептал: – Она приговорена к смертной казни.

– За что? – спросила Алиса.

– Вы сказали «Жаль, что так!»? – спросил Кролик.

– Вовсе нет, – сказала Алиса, – мне совсем не жаль. Я сказала «За что?»

– Она дала Королеве пощечину... – начал Кролик. Алиса хихикнула.

– Тише! – испуганно зашептал Кролик. – Королева вас услышит! Видите ли, Герцогиня несколько припозднилась, и Королева сказала...

– По местам! – громовым голосом закричала Королева, и публика рванула во все стороны, налетая друг на друга; тем не менее, за минуту-другую они разобрались по местам, и игра началась.

Алиса подумала, что никогда в жизни ей еще не приходилось видеть такой странной крокетной площадки: вся она была в складках и бороздах; крокетными шарами служили живые ежи, молотками – живые фламинго, а солдаты, сложившись пополам и встав на руки и на ноги, образовывали воротца.

Поначалу труднее всего для Алисы оказалось управляться со своим фламинго; ей удалось довольно удобно пристроить его туловище у себя под мышкой (его ноги при этом свисали сзади), но, стоило ей выпрямить ему шею и замахнуться для удара его головой по ежу, как фламинго изгибал шею и заглядывал ей в лицо с таким удивленным выражением, что Алиса не могла сдержать взрыва смеха. Когда же она направляла его голову вниз, и снова готова была бить, то с раздражением убеждалась, что еж успел развернуться и трусит себе прочь. Ко всему прочему, на пути, по которому она собиралась послать ежа, как правило, оказывалась складка или борозда, и согнутые солдаты все время поднимались и переходили с места на место, так что Алиса быстро пришла к заключению, что это воистину очень сложная игра.

Все игроки играли разом, не дожидаясь своей очереди, непрерывно ссорясь и устраивая

драки из-за ежей; и очень скоро Королева была уже в неистовой ярости, топала ногами и вопила: «Отрубить ему голову!» или «Отрубить ей голову!» примерно раз в минуту.

Алиса начала всерьез беспокоиться; пока что ей еще не пришлось вступать в спор с Королевой,[26] но она знала, что такое может случиться в любую минуту, «и тогда, – думала она, – что будет со мной? Здесь ужасно любят обезглавливать: поразительно, что кто-то вообще до сих пор остался в живых!»

Она осматривалась по сторонам, подыскивая способ улизнуть незамеченной, как вдруг заметила нечто странное, возникшее в воздухе; поначалу это ее весьма озадачило, однако спустя минуту-другую она поняла, что это улыбка, и сказала себе: «Это Чеширский Кот; теперь будет, с кем поговорить.»

– Ну как ты тут? – спросил Кот, когда его рот проявился достаточно, чтобы говорить.

Алиса подождала, пока не появились его глаза, и кивнула. «Нет смысла говорить с ним, – подумала она, – пока не возникнут уши, или хотя бы одно из них.» В течение следующей минуты голова появилась целиком, и тогда Алиса, поставив на землю фламинго, принялась рассказывать об игре, очень довольная, что нашла слушателя. Кот, похоже, решил, что уже достаточная его часть на виду, и дальше появляться не стал.

– Не думаю, что они хоть сколь-нибудь честно играют, – начала свои жалобы Алиса, – потому что они все так ужасно ссорятся и кричат, что никто не слышит друга дружку – и у них, похоже, вовсе нет никаких правил; во всяком случае, если они и есть, то их никто не соблюдает – и вы себе не представляете, как неудобно играть, когда все предметы живые! Например, воротца, через которые я должна была пройти, отправились гулять на другой конец площадки – и я только что собиралась крокировать ежа Королевы, но он убежал, завидев, как я подхожу!

– Как тебе нравится Королева? – спросил Кот негромко.

– Никак, – ответила Алиса, – она настолько... – Тут она заметила, что Королева стоит позади нее и слушает, и продолжила: – ... хорошо играет, что прямо и доигрывать неинтересно.

Королева улыбнулась и пошла дальше.

– С кем это ты говоришь? – спросил Король, подходя к Алисе и с большим любопытством разглядывая голову Кота.

– Это мой друг – Чеширский Кот, – сказала Алиса, – позвольте вам представить.

– Мне совсем не нравится, как он выглядит, – сказал Король. – Он может поцеловать мне руку, если хочет.

– Что-то не хочется, – ответил Кот.

– Не дерзи! – сказал Король. – И не смотри на меня так! – говоря это, он спрятался за Алису.

– Кот может смотреть на короля, – возразила Алиса. – Я читала это в какой-то книжке, но не помню, в какой.[27]

– Нет, его нужно убрать, – весьма решительно заявил Король и позвал Королеву, которая как раз проходила мимо: – Дорогая! Ты не могла бы распорядиться, чтобы убрали этого кота?

Королева знала лишь один способ разрешения проблем, больших или малых. «Отрубить ему голову!» – бросила она на ходу, даже не взглянув на Кота.

– Я сам приведу палача! – воскликнул Король, сгорая от нетерпения, и поспешил прочь.

Алиса подумала, что ей следует вернуться и посмотреть, как идет игра, ибо она даже издали слышала гневные крики Королевы. Та уже приговорила к казни трех или четырех игроков за то, что они пропустили свой ход, и Алисе совсем не нравилось такое развитие событий, ибо при столь запутанной игре она не имела понятия, ее сейчас ход или нет. Так

что она отправилась искать своего ежа.

Еж дрался с другим ежом, и Алисе показалось, что это прекрасная возможность крокировать одного из них вторым; единственная трудность заключалась в том, что ее фламинго перебрался на другую сторону сада – Алиса увидела, как он там предпринимает тщетные попытки взлететь на дерево.

Когда она, наконец, поймала фламинго и принесла его обратно, битва ежей закончилась, и оба ее участника разбежались неизвестно куда. «Ну да неважно,

– подумала Алиса, – все равно с этой стороны площадки ушли все воротца.» Так что она сунула фламинго под мышку, чтобы он снова не сбежал, и отправилась еще немного поговорить со своим приятелем.

Когда она вернулась к Чеширскому Коту, то с удивлением обнаружила изрядную толпу, собравшуюся вокруг него; там шла дискуссия между палачом, Королем и Королевой. Все трое говорили одновременно, в то время как все остальные молчали и чувствовали себя крайне неудобно.

Стоило Алисе подойти, как эти трое привлекли ее для разрешения вопроса и принялись повторять ей свои аргументы, но, поскольку они говорили все разом, Алиса с трудом могла разобрать их слова.

Аргумент палача заключался в том, что нельзя отрубить голову, если нет тела, от которого ее можно было бы отрубить; что он никогда такими вещами не занимался, и начинать на старости лет не собирается.

Аргумент Короля состоял в том, что всякий, имеющий голову, может быть обезглавлен, и нечего городить вздор.

Аргумент же Королевы сводился к тому, что если что-нибудь не будет сделано быстрее чем немедленно, она казнит всех и каждого. (Именно это последнее замечание и повергло все общество в такое уныние и тревогу.)

Алиса не придумала ничего лучше, чем сказать:

– Он принадлежит Герцогине, спросите лучше у нее.

– Она в тюрьме, – сказала Королева и обратилась к палачу: – Приведи ее сюда.

И палач помчался стрелой.

Едва он убежал, голова Кота начала таять и к тому моменту, как он вернулся с Герцогиней, исчезла полностью; так что Король и палач принялись метаться по площадке, разыскивая ее, а все остальные вернулись к игре.

Глава IX. Рассказ Якобы Черепахи

– Ты и подумать не можешь, как я рада тебя видеть, душенька, – сказала Герцогиня, нежно подхватывая Алису под руку, и они пошли дальше вместе.

Алиса была очень рада обнаружить Герцогиню в столь приятном расположении духа, и подумала, что, возможно, это только из-за перца та была такой вспыльчивой во время их первой встречи в кухне. «Когда я буду герцогиней, – сказала она себе (без особой, впрочем, надежды), – у меня на кухне перца не будет *вообще*. Суп и без него очень даже вкусный. Может быть, всегда именно от перца люди горячатся, – продолжала она, очень довольная, что ей удалось открыть новое правило, – а от уксуса они киснут

– а от горьких лекарств – огорчаются, а... а от сладостей дети становятся просто конфетками! Хорошо бы взрослые знали *это*; тогда они не были бы так скупы на сей счет, уж наверное...»

Она совсем забыла о Герцогине и слегка вздрогнула, когда услышала ее голос возле уха:

– Ты о чем-то думаешь, дорогая, и это заставило тебя забыть о беседе. Прямо сейчас я не могу сказать тебе, какая мораль отсюда следует, но я скоро вспомню.

– Может быть, никакой, – рискнула заметить Алиса.

– Что ты, дитя! – сказала Герцогиня. – Из всего на свете следует мораль, ее лишь нужно

уметь найти, – говоря это, она все плотнее прижималась к Алисе.

Алисе не слишком понравилось такое сближение; во-первых, потому, что Герцогиня была *чрезвычайно* уродлива, а во-вторых, потому, что она была как раз подходящего роста, чтобы положить свой подбородок Алисе на плечо, а это был ощутимо острый подбородок. Тем не менее, Алисе не хотелось быть грубой, так что она терпела это, как могла.

– Кажется, игра пошла получше, – сказала она тем временем, дабы хоть немного поддержать разговор.

– Истинно так, – сказала Герцогиня, – и отсюда мораль: «Любовь, любовь вращает этот мир!»

– А кто-то говорил, – прошептала Алиса, – что это делают те, кто не лезут не в свое дело!

– А, ну это, по сути, одно и то же, – сказала Герцогиня, все глубже вонзая подбородок в алисино плечо, и прибавила, – а *отсюда* мораль – «Заботьяся о песне, а ноты придут сами».[28]

«Как она любит во всем находить мораль!» – подумала про себя Алиса.

– Ты, наверное, думаешь, почему я не обниму тебя за талию, – сказала Герцогиня после паузы, – дело в том, что у меня есть сомнения насчет нрава твоего фламинго. Следует ли мне попытаться?

– Он может ущипнуть, – осторожно ответила Алиса, совершенно не заинтересованная в подобной попытке.

– Совершенно верно, – сказала Герцогиня, – и фламинго, и горчица щиплются. А отсюда мораль – «Видно птицу по полету».

– Вот только горчица – не птица, – заметила Алиса.

– Верно, как обычно, – сказала Герцогиня, – как ты ясно расставляешь все по местам!

– Это минерал, я *думаю*, – продолжала Алиса.

– Конечно же, – сказала Герцогиня, готовая, похуже, соглашаться со всем, что скажет Алиса, – тут рядом большая горчичная шахта, ее взрывали минами. А отсюда мораль – «*у меня* прибудет, у тебя убудет.»

– Ой, вспомнила! – воскликнула Алиса, не обратившая внимания на эту последнюю реплику. – Это овощ. Она не похожа, но она овощ.

– Я совершенно с тобой согласна, – сказала Герцогиня, – и отсюда мораль: «Будь тем, чем хочешь казаться» – или, проще говоря, «Никогда не воображай, что ты отличаешься от того, что может показаться другим, что ты являешься или можешь являться не иначе как тем, чем тебе следует казаться им в противном случае.»

– Думаю, я бы лучше это поняла, – сказала Алиса очень вежливо, – если бы записала; а так я не совсем уследила за вами, когда вы говорили.

– Это еще пустяки по сравнению с тем, что я могла бы сказать, если б захотела, – ответила польщенная Герцогиня.

– Прошу вас, не затрудняйте себя более длинными фразами, чем эта, – сказала Алиса.

– Ах, о каком затруднении ты говоришь! – воскликнула Герцогиня. – Я дарю тебе все, что сказала до этого.

«Дешевенький подарок! – подумала Алиса. – Хорошо, что на день рожденья такие не дарят!» Однако она не осмелилась сказать это вслух.

– Снова задумалась? – спросила Герцогиня, вновь вонзая свой острый маленький подбородок.

– Я имею право думать! – резко ответила Алиса, ибо это уже начало ее раздражать.

– В той же мере, – ответила Герцогиня, – в какой свиньи имеют право летать, а мор...

Но тут, к великому удивлению Алисы, голос Герцогини пресекся прямо на середине ее любимого слова «мораль», и рука, которую она переплела с алисиной, задрожала. Перед ними, скрестив на груди руки, стояла Королева, хмурая, как грозовая туча.

– Чудесный денек, ваше величество! – начала Герцогиня тихим, слабым голосом.
– Предупреждаю по-хорошему, – завопила Королева, топая ногой, – или здесь не будет тебя, или у тебя не будет головы, и немедленно, нет, вдвое быстрее! Выбирай!

Герцогиня выбрала и моментально исчезла.

– Продолжим игру, – сказала Королева Алисе; Алиса была слишком напугана, чтобы сказать хоть слово, так что поплелась следом за ней обратно на площадку.

Остальные гости, воспользовавшись отсутствием Королевы, отдыхали в тени; однако, едва завидев ее, они поспешили вернуться к игре, в то время как Королева спокойно заметила, что малейшее промедление будет стоить им жизни. Пока шла игра, Королева все время ссорилась с остальными игроками и кричала «Отрубить ему голову!» или «Отрубить ей голову!»

Приговоренных ею брали под стражу солдаты, которые, разумеется, уже не могли при этом служить воротцами, так что где-то через полчаса воротцев больше не осталось, и все игроки, кроме Короля, Королевы и Алисы, были под арестом и ожидали казни.

Тут Королева остановилась, порядком запыхавшись, и спросила Алису: – Вы уже видели Якобы Черепаху?

– Нет, – ответила Алиса, – я даже не знаю, что это такое.

– Это то, из чего варят якобы черепаховый суп,^[29] – сказала Королева.

– Ни разу такого зверя не видела, и даже не слышала о таких, – сказала Алиса.

– Тогда пошли, – сказала Королева, – и он сам расскажет свою историю.

Когда они отходили, Алиса услышала, как Король тихо сказал, обращаясь ко всей компании: «Вы все помилованы». «О, вот *это* здорово!» – сказала она себе, ибо чувствовала себя совсем несчастной из-за количества назначенных Королевой казней.

Очень скоро они подошли к Грифону, который спал, лежа на солнышке. (Если вы не знаете, как выглядит Грифон, посмотрите на картинку.^[30]) «Вставай, бездельник! – сказала Королева, – И отведи эту юную леди повидать Якобы Черепаху и послушать его историю. А мне нужно вернуться и присмотреть за кое-какими казнями, которые я назначила», – и она пошла прочь, оставив Алису наедине с Грифоном. Алисе не слишком понравился вид этого существа, но подумала, что оставаться с ним уж во всяком случае не опаснее, чем идти за этой бешеной Королевой, так что она решила подождать, что будет.

Грифон сел и потер глаза; затем он смотрел вслед Королеве, пока она не скрылась из виду; затем издал сдавленный смешок.

– Вот потеха! – сказал Грифон не то себе, не то Алисе.

– Что – потеха? – спросила Алиса.

– Да она, – сказал Грифон. – Это все ее выдумки; они тут никогошеньки не казнят, понимаешь. Пошли!

«Все здесь только и говорят 'пошли!' – подумала Алиса, неспешно шагая следом за Грифоном. – Никогда в жизни мною еще так не командовали, никогда!»

Им не пришлось идти далеко, прежде чем они увидели вдалеке Якобы Черепаху. Одинокий и печальный, восседал он на небольшом выступе скалы, и, когда они подошли ближе, Алиса услышала, как он вздыхал, словно у него разрывалось сердце. Ей стало очень жалко его.

– Что у него за горе? – спросила она Грифона, и тот ответил почти теми же словами, что и в прошлый раз:

– Это все его выдумки; ничегошеньки у него не горе, понимаешь. Пошли!

И они подошли к Якобы Черепахе, который посмотрел на них большими, полными слез глазами, но ничего не сказал.

– Здесь тут юная леди, – сказал Грифон, – она хочет чтобы, значит, узнать твою историю, да вот.

– Я расскажу ее для ее, – сказал Якобы Черепаха глубоким, гулким голосом. – Садитесь оба, и не произносите ни слова, пока я не закончу.

Они уселись, и в течение нескольких минут никто не сказал ни слова. Алиса подумала про себя: «Не знаю, как он сумеет когда-нибудь закончить, если он не начинает.» Однако она терпеливо ждала.

– Однажды, – сказал, наконец, Якобы Черепаха и глубоко вздохнул, – я был настоящей Черепахой.

Вслед за этими словами установилась весьма продолжительная тишина, нарушаемая лишь восклицаниями «Хжкррх!», которые время от времени издавал Грифон, да постоянными тяжелыми вздохами Якобы Черепахи. Алиса совсем уже было собралась подняться и сказать: «Спасибо, сэр, за ваш интересный рассказ», но ее не покидала мысль, что продолжение *должно* последовать, так что она осталась сидеть и ничего не сказала.

– Когда мы были маленькими, – продолжил наконец Якобы Черепаха более спокойно, хотя и все еще всхлипывая время от времени, – мы ходили в школу в море. Нашим учителем был старик Черепаха – мы обычно называли его Зубром...

– Почему вы называли его Зубром, если он был Черепахой? – спросила Алиса.

– Мы называли его Зубром, потому что он заставлял нас зубрить! – гневно ответил Черепаха, – Воистину, ты очень несообразительна!

– Постыдилась бы задавать такой простой вопрос, – добавил Грифон, и оба они молча уставились на бедную Алису, которая готова была провалиться сквозь землю. Но, наконец, Грифон сказал Якобы Черепахе: «Валяй дальше, старина! Не размазывай это на весь день!» – и тот возобновил рассказ:

– Да, мы ходили в школу в море, хоть ты и не можешь в это поверить...

– Я этого не говорила! – перебила Алиса.

– Говорила, – сказал Якобы Черепаха.

– Придержи язык! – прибавил Грифон, прежде чем Алиса успела сказать что-либо еще. Якобы Черепаха продолжал:

– Мы получили лучшее образование – в самом деле, мы ведь ходили в школу каждый день...

– Я тоже каждый день хожу в школу, – сказала Алиса, – нечем вам тут так гордиться.

– С дополнительными предметами? – спросил Якобы Черепаха с некоторым беспокойством.

– Да, – ответила Алиса, – нас дополнительно учат французскому и музыке.

– А стирке? – спросил Якобы Черепаха.

– Нет, конечно же! – возмущенно воскликнула Алиса.

– Ага! Ну, значит, твоя школа не больно-то хорошая, – сказал Якобы Черепаха с большим облегчением. – А вот в *нашей* в конце счета всегда писали: «Французский, музыка и стирка – дополнительно».[31]

– Вряд ли стирка была вам особо нужна, – сказала Алиса, – ведь вы жили на дне морском.

– Я не мог себе позволить изучать ее, – вздохнул Якобы Черепаха. – Я проходил только обязательные предметы.

– Это какие? – осведомилась Алиса.

– Сначала, конечно, мы учились чихать и пищать, – ответил Якобы Черепаха, – а затем проходили четыре действия арифметики: служение, почитание, урожение и давление.

– Я никогда не слышала об «урожении», – рискнула заметить Алиса. – Что это такое?

Грифон в изумлении воздел обе лапы к небу.

– Никогда не слышала об урожении! – воскликнул он. – Я думаю, ты знаешь, что такое «украшать». Знаешь?

– Да, – ответила Алиса с некоторым сомнением, – это значит – делать... что-нибудь...

красивей.

– Ну тогда, – заключил Грифон, – если ты не знаешь, что такое «урОдить», то ты простофиля.

У Алисы пропало всякое желание спрашивать об этом дальше, так что она повернулась к Якобы Черепахе и спросила:

– Что еще вы учили?

– Ну, еще истерию, – ответил Якобы Черепаха, считая предметы на своих лапах, – истерию, древнюю и новую, с небографией; потом еще рискование – учителем рискования был старый морской угорь, он приходил раз в неделю и учил нас рисковать, чернить и плясать мосляными трясками.

– А *это* еще как? – спросила Алиса.

– Ну, сам я не могу тебе показать, – сказал Якобы Черепаха, – мне гибкости недостает. А Грифон этому не учился.

– Времени не было, – ответил Грифон. – Я получал классическое образование. Мой учитель был старый рак-отшельник, да, настоящий отшельник.

– Я никогда не был на его занятиях, – сказал со вздохом Якобы Черепаха, – говорят, он учил латуни и жреческому.

– Точно, точно, – вздохнул в свою очередь Грифон, и оба существа закрыли лапами лица.

– А сколько часов в день у вас были уроки? – спросила Алиса, спеша сменить тему.

– В первый день – десять часов, – ответил Якобы Черепаха, – на следующий – девять, и так далее.

– Какое странное расписание! – воскликнула Алиса.

– Поэтому их и зовут уроками, – пояснил Грифон, – потому что с каждым днем на них все меньше времени урывают.

Эта идея была совершенно новой для Алисы, и она немного подумала, прежде чем задать следующий вопрос:

– Тогда на одиннадцатый день у вас должен был быть выходной?

– Конечно, он и был, – ответил Якобы Черепаха.

– А что же у вас получалось на двенадцатый день? – не терпелось узнать Алисе.

– Хватит об уроках, – решительно перебил Грифон, – расскажи ей теперь о наших играх.

Глава X. Омаровая кадрили

Якобы Черепаха тяжело вздохнул и вытер ластой глаза. Он взглянул на Алису и попытался заговорить, но минуту или две рыдания душили его. «Словно ему кость в горло попала», – сказал Грифон и принялся трясти его и хлопать по спине. В конце концов голос вернулся к Якобы Черепахе, и, со слезами, стекавшими по щекам, он продолжил рассказ:

– Ты, может быть, не жила достаточно долго на дне морском («Не жила»,

– сказала Алиса), и тебя, возможно, ни разу не представляли Омару (Алиса начала было: «Однажды я пробовала...» – но поспешно прикусила язык и сказала: «Нет, никогда») – так что ты и понятия не имеешь, какая восхитительная вещь Омаровая Кадрили!

– И впрямь, – призналась Алиса. – А что это за танец?

– Ну, – сказал Грифон, – первым делом все выстраиваются в линию вдоль берега...

– В две линии! – крикнул Якобы Черепаха. – Тюлени, морские черепахи, лососи и так далее; затем, когда с дороги уберут всех медуз...

– *Это* обычно занимает некоторое время, – перебил Грифон.

– Делаете два шага вперед...

– Все – с омарами в качестве партнеров! – крикнул Грифон.

– Разумеется, – согласился Якобы Черепаха, – два шага вперед, поворачиваетесь к партнерам...

– Меняетесь омарами и отходите назад в том же порядке, – закончил Грифон.
 – Затем, стало быть, – продолжал Якобы Черепаха, – бросаете...
 – Омаров! – завопил Грифон, подпрыгивая в воздух.
 – Как можно дальше в море...
 – Плывете за ними! – крикнул Грифон.
 – Делаете в воде кувырок! – закричал Якобы Черепаха, дико прыгая вокруг.
 – Снова меняете омаров! – заорал во весь голос Грифон.
 – Возвращаетесь на сушу, и – это конец первой фигуры, – сказал Якобы Черепаха, неожиданно понизив голос, и два создания, которые только что скакали вокруг, как безумные, снова тихо и печально уселись на песок, глядя на Алису.
 – Наверное, это очень милый танец, – робко сказала Алиса.
 – Хочешь малость посмотреть на него? – спросил Якобы Черепаха.
 – Конечно, очень, – ответила Алиса.
 – Давай, попробуем первую фигуру! – обратился Якобы Черепаха к Грифону. – Мы ведь сможем сделать это и без омаров. Кто будет петь?
 – Давай ты, – сказал Грифон, – я забыл слова.
 И они принялись величаво танцевать вокруг Алисы, постоянно наступая ей на ноги, когда оказывались слишком близко, и размахивая в такт передними лапами, в то время как Якобы Черепаха тоскливо и протяжно пел:^[32]

«Проходи быстрее! – улитке говорила так треска, –
 Позади дельфин, отдавит он мне хвост наверняка.
 Вон, омары, черепахи обгоняют в спешке нас!
 Ждут они на пляже танцев – ты пойдешь ли с нами в пляс?
 Хочешь, нет ли, хочешь, нет ли ты пуститься в пляс?
 Хочешь, нет ли, хочешь, нет ли ты пуститься в пляс?»
 Ты не ведаешь, как будет нам приятно и легко,
 Коль с омарами нас вместе бросят в море далеко!»
 «Слишком далеко! – улитка на нее скосила глаз –
 Нет, спасибо тебе, рыба, только не пойду я в пляс.
 Не могу я, не хочу я, не пущусь я в пляс.
 Не могу я, не хочу я, не пущусь я в пляс.»
 «Пусть далеко, что за беда? – подруга ей в ответ, –
 За морем берег есть всегда, и это не секрет.
 От Англии уплыли – тут Франция как раз;
 Так не бледней, гляди смелей, пускайся с нами в пляс!
 Хочешь, нет ли, хочешь, нет ли ты пуститься в пляс?
 Хочешь, нет ли, хочешь, нет ли ты пуститься в пляс?»

– Спасибо, очень интересно было посмотреть на этот танец, – сказала Алиса, которая была счастлива, что он, наконец, закончился, – и мне так понравилась эта удивительная песня про треску!
 – Кстати, о треске, – сказал Якобы Черепаха, – она... ты ведь ее, конечно, видела?
 – Да, – ответила Алиса, – она часто бывала у нас на обе... – она прикусила язычок.
 – Не знаю, где эта ОБА, – сказал Якобы Черепаха, – но раз ты встречалась с ней так часто, то, конечно, знаешь, как она выглядит.
 – Наверное, да, – задумчиво ответила Алиса. – С хвостом во рту и вся в сухарях.
 – Насчет сухарей ты ошибаешься, – сказал Якобы Черепаха. – в море их бы сразу смыло. Но хвост у нее *действительно* во рту, по причине... – тут Якобы Черепаха зевнул и закрыл глаза. – Объясни ей причину и все такое, – велел он Грифону.

– Причина в том, – сказал Грифон, – что она очень любит танцевать с омарами. Так что ее бросают с ними в море. Так что ей приходится далеко лететь. Так что она от страха закусывает хвост. Так, что потом не может его вытащить. Вот и все.

– Спасибо, – сказала Алиса, – это очень интересно. Я прежде не знала столько всего о треске.

– Я могу рассказать тебе и больше, если хочешь, – сказал Грифон. – Знаешь, почему ее называют треской?

– Никогда об этом не думала, – призналась Алиса. – Почему?

– Треску от нее много, – важно ответил Грифон.

Алису это озадачило.

– Много треску? – удивленно переспросила она.

– Ну да. Ты что, никогда не слышала, как трещит огонь в камине?

– Ну, в общем, слышала, – Алиса на всякий случай немного подумала, прежде чем задать следующий вопрос: – А что, разве в море тоже есть каминь?

– Разумеется, есть. Недаром говорят: «топить в море», – низким голосом пояснил Грифон. – Вот, теперь ты знаешь.

– А чем же их топят? – с огромным любопытством спросила Алиса.

– Угрем, конечно, – ответил Грифон уже с некоторым раздражением, – это тебе любая креветка скажет!

– Я бы на месте трески, – сказала Алиса, чьи мысли все еще вертелись вокруг песни, – сказала бы дельфину: «Держись подальше, пожалуйста, мы не собираемся брать тебя с собой!»

– Им положено иметь его при себе, – сказал Якобы Черепаха, – ни одна здравомыслящая рыба не позволит себе остаться без дельфина.

– Что, правда? – изумилась Алиса.

– Конечно, – ответил Якобы Черепаха. – Какой рыбе захочется прослыть бездельницей?

– Вы имели в виду «бездельницей»? – спросила Алиса.

– Я имел в виду то, что сказал, – обиделся Якобы Черепаха. А Грифон добавил:

– Давай, теперь ты расскажи о *своих* приключениях.

– Я могу рассказать вам о них, начиная с утра, – сказала Алиса Алиса с некоторой робостью, – но нет смысла возвращаться ко вчерашнему дню, потому что тогда я была другим человеком.

– Объясни это все, – потребовал Якобы Черепаха.

– Нет, нет! Сначала приключения, – нетерпеливо воскликнул Грифон, – объяснения отнимают ужасно много времени.

И Алиса начала рассказывать о своих приключениях, начиная с того момента, как она впервые увидела Белого Кролика; поначалу ее слегка беспокоило, что оба существа придвинулись к ней слишком близко, каждый со своей стороны, и открыли глаза и рты *слишком уж* широко, но в процессе рассказа она постепенно осмелела. Ее слушатели молча внимали, пока она не дошла до того, как читала Гусенице «Ты уж стар, папа Вильям», а слова получались совсем другими; тут Якобы Черепаха протяжно вздохнул и сказал:

– Это очень странно.

– Все это страннее некуда, – согласился Грифон.

– Получались совсем другими! – задумчиво повторил Якобы Черепаха. – Я бы хотел услышать, как она сейчас что-нибудь прочитает. Вели ей начать, – он посмотрел на Грифона, словно полагал, что тот имеет какую-то власть над Алисой.

– Встань и прочти «Это голос лентяя»,^[33] – распорядился Грифон.

«Как же эти существа любят командовать и заставлять отвечать уроки! – подумала Алиса. – Можно подумать, я в школе!»

Тем не менее, она поднялась и начала декламировать, но голова ее была полна Омаровой Кадрилью, так что она сама не знала толком, что говорит, и слова, разумеется, получились очень странными:

Это голос омара; я слышу сей голос:
«Не варите так красно! Попудрите волос!»
Поправляет он пуговиц ряд и ремень
Своим носом, носки развернув набекрень.
Если после отлива песок всюду сух,
Он ругает Акулу презрительно вслух,
Но когда приплывают акулы в прилив,
Его голос дрожащий не столь горделив.

– Это не то, что я учил в детстве, – сказал Грифон.[34]

– Ну, я прежде этот стих не слышал, – сказал Якобы Черепаха, – но, по-моему, это редкостная чепуха.

Алиса ничего не сказала; она снова села, закрыв лицо руками и думая, встанут ли вещи на свои места хоть *когда-нибудь* .

– Я бы хотел, чтоб она объяснила это, – сказал Якобы Черепаха.

– Она не может объяснить, – поспешно возразил Грифон. – Читай дальше.

– Но насчет носков? – упорствовал Якобы Черепаха. – Как это он мог развернуть их носом, спрашивается?

– Это первая балетная позиция, – ответила Алиса; однако все это ее ужасно озадачило, и ей хотелось поскорей сменить тему.

– Читай следующую строфу, – нетерпеливо повторил Грифон, – она начинается: «Я в саду его видел...»

Алиса не осмелилась послушаться и, хотя и была уверена, что все опять получится неправильно, продолжила дрожащим голосом:

Я в саду его видел, даю вам зарок,
Как Сова и Пантера делили пирог:
Мигом съела Пантера пирог со стола,
А Сове только блюдце пустое дала.
И в придачу была еще ложка одна,
Как великая милость, Сове отдана;
А Пантере нож с вилкой достались сперва,
Ну а после уже, на закуску – ...

– Какой смысл читать всю эту чушь, – перебил Якобы Черепаха, – если ты ничего не объясняешь? Это, уж наверняка, самая запутанная вещь, какую я когда-либо слышал!

– Да, думаю, лучше остановиться, – сказал Грифон, и Алиса была только рада так и сделать.

– Попробуем еще одну фигуру Омаровой Кадрилю? – продолжал Грифон. – Или ты хочешь, чтобы Якобы Черепаха спел тебе песню?

– Ой, песню, пожалуйста, если Якобы Черепаха будет так добр! – ответила Алиса столь горячо, что Грифон довольно-таки обиженно заметил:

– Гм! Ну, о вкусах не спорят! Ладно, старина, спой ей «Черепеховый суп»!

Якобы Черепаха тяжело вздохнул и запел прерывающимся от рыданий голосом:[35]

Красивый суп, ты зелен и густ!
Наш котелок горяч и не пуст!
Кто не поклонится? Кто так глуп,
Чтоб не отведать красивый суп?
Кра-а-а-сивый суп!
Кра-а-а-сивый суп!
Е-э-да ве-э-э-черняя,
Красивый, красивый суп!
Красивый суп! К чему нам уха,
Дичь или прочая чепуха?
Кто не отдаст все, лишь бы к столу по-
одали этот красивый суп?
Кра-а-а-сивый суп!
Кра-а-а-сивый суп!
Е-э-да ве-э-э-черняя,
Красивый, кра-СИВЫЙ СУП!

– Еще раз припев! – крикнул Грифон, и Якобы Черепаха только было начал его повторять, как вдалеке послышался крик «Суд начинается!»

– Вперед! – воскликнул Грифон и, схватив Алису за руку, помчался, не дождавшись конца песни.

– Какой еще суд? – пыталась спросить задышавшаяся от бега Алиса, но Грифон в ответ лишь повторил «Вперед!» и побежал еще быстрее, а сзади бриз доносил до них все слабевший и слабевший печальный голос:

Е-э-да ве-э-э-черняя,
Красивый, красивый суп!

Глава XI. Кто украл торты?

Когда они прибежали, Червонные Король и Королева сидели на своем троне, а вокруг собралась большая толпа – всевозможные мелкие птички и зверьки, а также целые колоды карт; перед ними стоял Валет, в цепях, под охраной двух солдат с обеих сторон, а возле Короля находился Белый Кролик, с трубой в одной руке и пергаментным свитком в другой. В самом центре зала суда стоял стол, а на нем – большое блюдо с фруктовыми тортами; они выглядели столь аппетитно, что Алиса от одного взгляда почувствовала изрядный голод. «Хорошо бы суд поскорей закончился, – подумала она, – и роздали угощение.» Но, похоже, шансов на это не было, так что она принялась осматривать все вокруг, чтобы как-то убить время.

Алиса никогда прежде не бывала в зале суда, но читала об этом в книжках, и к немалому своему удовольствию обнаружила, что знает, как называется почти все здесь. «Это судья, – сказала она себе, – потому что у него большой парик.»

Судьей, кстати говоря, был Король, и ему пришлось надеть корону поверх парика (если хотите увидеть, как ему это удалось, взгляните на картинку), что, по всей видимости, доставляло ему изрядное неудобство и, разумеется, совершенно не шло.

«А это скамья присяжных, – думала Алиса, – и эти двенадцать созданий,

– (она была вынуждена назвать их «созданиями», поскольку некоторые из них были зверьками, а некоторые – птицами) – полагаю, и есть члены жюри присяжных». Она повторила про себя эти последние слова два или три раза, весьма гордясь собой, ибо считала (и была права), что очень немногие девочки ее возраста знают, что это означает. Впрочем, «присяжные заседатели» тоже было бы подходящим названием.

Все двенадцать присяжных очень деловито писали на грифельных досках.

– Что они делают? – шепотом спросила Алиса Грифона. – Им ведь нечего записывать,

пока суд не начался!

– Они записывают свои имена, – прошептал в ответ Грифон, – потому что боятся забыть их до конца процесса.

– Какие глупые! – начала Алиса громким возмущенным голосом, но тут же осеклась, поскольку Белый Кролик выкрикнул «Тишина в зале суда!», а Король надел очки и принялся обеспокоенно оглядываться по сторонам, высматривая говорившего.

Алиса могла видеть – столь же отчетливо, как если бы заглядывала им через плечо – как присяжные пишут «какие глупые!» на своих досках, и она даже заметила, что один из них не знал, как пишется «глупые», и вынужден был спросить об этом соседа. «Воображаю, во что превратятся их доски к концу заседания!» – подумала Алиса.

У одного из присяжных скрипел карандаш. Этого, разумеется, Алиса не могла вынести, так что она обошла зал кругом, подошла к нему сзади и очень скоро улучила момент, чтобы выхватить карандаш. Она сделала это так быстро, что бедный маленький присяжный (это был Ящерица Билл) не смог понять, что случилось; так что, поискав карандаш вокруг, он вынужден был до конца дня писать пальцем; толку от этого было немного, ибо палец не оставлял следа на доске.

– Герольд, зачитайте обвинение! – сказал Король.

Заслышав это, Белый Кролик трижды громко дунул в трубу, развернул пергаментный свиток и прочел следующее:

Дама Червей в честь летних дней
Наделала тортов,
Валет Червей был всех наглей,
Их – хватать, и был таков.[36]

– Выносите вердикт,[37] – обратился Король к присяжным.

– Не сейчас, не сейчас! – спешно перебил Кролик. – До этого еще полно дел!

– Вызовите первого свидетеля, – сказал Король; и Белый Кролик, трижды дунув в трубу, возгласил:

– Первый свидетель!

Первым свидетелем был Шляпник. Он вошел с чашкой в одной руке и куском бутерброда в другой.

– Прошу прощения, ваше величество, – начал он, – за то, что я принес сюда это, но я не совсем закончил пить чай, когда за мной прислали.

– Вам следовало закончить, – сказал Король. – Когда вы начали?

Шляпник посмотрел на Мартовского Зайца, который сопровождал его в суд рука об руку с Соней.

– Четырнадцатого марта. *Думаю*, тогда, – сказал он.

– Пятнадцатого, – сказал Мартовский Заяц.

– Шестнадцатого, – добавила Соня.

– Запишите это, – велел Король присяжным, и те, охваченные рвением, записали на свои доски все три даты, затем сложили их и перевели ответ в шиллинги и пенсы.

– Снимите вашу шляпу, – приказал Король Шляпнику.

– Она не моя, – сказал Шляпник.

– *Крадeная!*

– воскликнул Король, поворачиваясь к присяжным, которые немедленно зафиксировали для памяти этот факт.

– Я держу их на продажу, – добавил в качестве объяснения Шляпник, – своей собственной у меня нет. Я шляпник.

Тут Королева надела очки и принялась пристально вглядываться в Шляпника, который сразу же побледнел и засуетился.

– Давайте ваши показания, – сказал Король, – и не нервничайте, не то я велю казнить вас на месте.

Это, похоже, совсем не ободрило Шляпника; он продолжал переминаясь с ноги на ногу, с тревогой поглядывая на Королеву, и в растерянности откусил большой кусок от чашки вместо бутерброда.

Как раз в этот момент Алиса почувствовала очень странное ощущение, которое сильно ее озадачило, пока она не поняла, что же это было: она снова начала расти. Сначала она подумала, что ей надо встать и покинуть зал, но затем решила остаться, пока для нее будет хватать места.

– Может, не будешь так давить? – сказала Соня, которая сидела рядом.

– Я еле могу дышать.

– Я ничего не могу поделать, – кротко ответила Алиса, – я расту.

– Ты не имеешь права расти *здесь*, – сказала Соня.

– Не говори вздор, – сказала Алиса уже более резко, – ты ведь тоже растешь!

– Да, но я расту с пристойной скоростью, – сказала Соня, – а не таким смехотворным манером.

И она встала, очень рассерженная, и ушла в другой конец зала.

Все это время Королева продолжала разглядывать Шляпника и, как раз когда Соня пересекла зал, приказала одному из судейских чинов: «Принесите мне список певших на последнем концерте!»; при этом несчастный Шляпник затрясся так, что с него слетели ботинки.

– Давайте показания, – сердито повторил Король, – или я велю вас казнить независимо от того, нервничаете вы или нет!

– Я человек маленький, ваше величество, – начал Шляпник дрожащим голосом, – и я лишь только что начал пить чай... не больше недели назад или около того... и что-то с бутербродом, он стал такой тонкий... и потом... пари, пари...

– Пороть *кого*? – удивился Король.

– Пари, пари, нето... – попытался ответить Шляпник.

– Разумеется, не то! Совершенно не то вы тут порете! – гневно перебил Король. – Вы что, за дурака меня держите? Продолжайте показания!

– Я человек маленький, – продолжал Шляпник, – и многие вещи парили... только Мартовский Заяц сказал...

– Я не говорил! – тут же перебил Мартовский Заяц.

– Говорил! – настаивал Шляпник.

– Отрицаю, – заявил Мартовский Заяц.

– Он это отрицает, – сказал Король, – опустите эту часть.

– Ну, во всяком случае, Соня сказала... – продолжал Шляпник и с опаской поглядел на Соню, ожидая, не станет ли и она отрицать; но Соня ничего не отрицала, потому что крепко спала.

– После этого, – возобновил рассказ Шляпник, – я отрезал себе еще бутерброд...

– Но что сказала Соня? – спросил один из присяжных.

– Это я не могу вспомнить, – сказал Шляпник.

– Вы *должны* вспомнить, – заметил Король, – или я велю вас казнить.

Бедный Шляпник выронил чашку и бутерброд, и упал на одно колено.

– Я человек маленький, ваше величество... – начал он.

– Вы и впрямь небольшой *мастер говорить*, – сказал Король.

Тут одна из морских свинок заплодировала и была немедленно *подавлена* судейскими чинами. (Поскольку это довольно сложное слово, я объясню вам, как это было сделано. Они взяли большой холщовый мешок, засунули туда морскую свинку головой вперед, затянули отверстие мешка веревкой и уселись сверху.)

«Хорошо, что я увидела, как это делается», – подумала Алиса. – Я часто читала в газетах 'Беспорядки были подавлены', и никогда не понимала, что это значит – теперь буду знать.»

– Если это все, что вам известно, то вы можете идти, – продолжил Король.

– Я не могу идти, – сказал Шляпник, – я ведь стою на коленях.

– Тогда вы можете *ползти*, – ответил Король.

Тут вторая морская свинка заплодировала, и была подавлена.

«Итак, с морскими свинками покончено, – подумала Алиса. – Теперь дело пойдет лучше.»

– Я, пожалуй, пойду допью чай, – сказал Шляпник, со страхом глядя на Королеву, которая читала список певцов.

– Вы свободны, – сказал Король, и Шляпник стремглав выскочил из зала суда, даже не задержавшись, чтобы надеть ботинки.

– И отрубите ему голову там снаружи, – добавила Королева, обращаясь к одному из судейских; но Шляпник скрылся из глаз раньше, чем судейский успел дойти до двери.

– Вызовите следующего свидетеля! – распорядился Король.

Следующим свидетелем оказалась кухарка Герцогини. Она несла перечницу; и Алиса догадалась, кто это, прежде чем она вошла в зал, ибо публика у двери начала дружно чихать.

– Давайте ваши показания, – сказал Король.

– Не-а, – ответила кухарка.

Король обеспокоенно посмотрел на Белого Кролика, который сказал, понизив голос:

– Ваше величество должны подвергнуть *эту* свидетельницу перекрестному допросу.

– Ну, должен так должен, – меланхолично вздохнул Король, и, скрестив руки на груди и сведя глаза к самой переносице (так, что зрачки едва не пропали из виду), спросил низким голосом:

– Из чего делаются торты?

– Из перца, главным образом, – ответила кухарка.

– Из патоки, – раздался сонный голос позади нее.

– Схватите за шиворот эту Соню! – завизжала Королева. – Отрубите голову этой Соне! Вышвырните эту Соню из зала! Подавите ее! Ущипните ее! Оборвите ей усы!

В течение нескольких минут в зале царила полная неразбериха, пока все пытались выдворить Соню, а к тому времени, как суматоха улеглась, кухарка исчезла.

– Неважно! – сказал Король с большим облегчением. – Вызывайте следующего свидетеля, – и он негромко добавил, обращаясь к Королеве: – Право же, дорогая, следующий перекрестный допрос должна проводить *ты*. У меня от этого голова болит!

Алиса наблюдала за Белым Кроликом, который мял в руках список; ей было очень интересно, что из себя будет представлять следующий свидетель – «*пока что* они собрали не больно-то много доказательств», сказала она себе. Вообразите ее удивление, когда Белый Кролик прочитал следующее имя:

– Алиса!

Глава XII. Показания Алисы

– Здесь! – крикнула Алиса, совершенно забыв от волнения, как она выросла за последние несколько минут, и вскочила столь поспешно, что опрокинула краем юбки скамью присяжных, так что те посыпались на головы толпы внизу и так и остались лежать вокруг, весьма напоминая золотых рыбок из аквариума, который она нечаянно опрокинула неделю назад.

– Ой, простите, пожалуйста! – воскликнула она в ужасном смущении и принялась торопливо подбирать их, поскольку в голове у нее все стоял тот случай с рыбками, и ей смутно чудилось, что присяжных надо собрать и посадить обратно на скамью как можно быстрее, или они умрут.

– Процесс не может продолжаться, – веско изрек Король, – пока все присяжные не будут на надлежащих местах – *все*, – повторил он, подчеркивая последнее слово и сурово глядя на Алису.

Алиса взглянула на скамью и увидела, что в спешке сунула Ящерицу Билла вверх ногами, так что бедняга лишь меланхолично помахивал хвостом, не имея возможности двигаться. Она быстро вытащила его и посадила правильно; «впрочем, это не так уж важно, – сказала она себе, – пожалуй, что так, что этак – пользы для суда от него одинаково».

Как только присяжные более-менее оправались от потрясения, вызванного падением, а их доски и карандаши были найдены и вручены им, они тут же приступили к работе, с великим усердием записывая историю происшествия – все, кроме Ящерицы Билла, который, как видно, все никак не мог прийти в себя и лишь сидел с открытым ртом, уставясь в потолок.

– Что вам известно об этом деле? – обратился Король к Алисе.

– Ничего, – ответила Алиса.

– *Вообще* ничего? – упорствовал Король.

– Вообще ничего, – подтвердила Алиса.

– Это очень важно, – сказал Король, поворачиваясь к присяжным. Они уже начали записывать это на своих досках, когда Белый Кролик перебил его.

– Ваше величество, конечно, имели в виду *не* важно, – сказал он очень почтительным тоном, но при этом смотрел на Короля сердито и корчил ему страшные рожи.

– Конечно, я имел в виду *неважно*, – поспешно сказал Король и принялся бормотать вполголоса «важно – неважно – важно – неважно...», словно пытался определить, какое из слов звучит лучше.

Одни присяжные записали «важно», другие – «неважно». Алиса видела это, поскольку стояла достаточно близко, чтобы посмотреть на их доски; «однако это не имеет никакого значения», – подумала она про себя.

В этот момент Король, который перед этим что-то торопливо писал в записной книжке, воскликнул: «Тишина!» и прочел по книжке:

– Правило Сорок Два. *Всякий, чей рост превышает милю, должен покинуть зал суда.*

Все посмотрели на Алису.

– Во *мне* нет мили, – сказала Алиса.

– Есть, – сказал Король.

– Почти две мили, – добавила Королева.

– Ладно, в любом случае я не уйду, – сказала Алиса, – к тому же это не настоящее правило, вы его только что выдумали.

– Это самое старое правило в книге, – сказал Король.

– Тогда бы оно было Номер Один, – сказала Алиса.

Король побледнел и поспешно захлопнул книжку.

– Выносите вердикт, – обратился он к присяжным тихим дрожащим голосом.

– Есть еще одно доказательство, с позволения вашего величества, – сказал Белый Кролик, торопливо вскакивая с места, – только что найдена эта бумага.

– Что в ней? – спросила Королева.

– Я еще не открывал ее, – ответил Белый Кролик, – но, кажется, это письмо, написанное подсудимым... ээ... кому-то.

– Так и должно быть, – заметил Король, – писать никому, знаете ли, слишком уж необычно.

– Кому оно адресовано? – спросил один из присяжных.

– На нем вовсе нет адреса, – ответил Белый Кролик, – тут вообще ничего не написано *снаружи*, – он развернул бумагу, пока говорил, и добавил, – на самом деле, это вообще не письмо; это стихи.

– Написаны почерком подсудимого? – спросил другой присяжный.

– Нет, – ответил Белый Кролик, – и это-то как раз самое подозрительное. (Присяжные

растерялись.)

– Очевидно, он подделал чужой почерк, – сказал Король. (Присяжные вновь просветлели.)

– С позволения вашего величества, – сказал Валет, – я не писал этого, и они не могут доказать обратного: в конце не подписано имя.

– Если вы не подписались, – сказал Король, – это лишь ухудшает ваше положение. У вас должен был быть злой умысел, иначе вы бы поставили подпись, как честный человек.

Раздались общие аплодисменты: это была первая по-настоящему умная вещь, сказанная Королем в этот день.

– Это *доказывает* его вину, – сказала Королева.

– Это не доказывает ничего подобного, – сказала Алиса. – Вы ведь даже не знаете, о чем эти стихи!

– Прочтите их, – сказал Король.

Белый Кролик надел очки.

– Откуда мне следует начать, ваше величество? – спросил он.

– Начните сначала, – серьезно сказал Король, – и читайте, пока не дойдете до конца; тогда остановитесь.

Вот стихи, которые прочитал Белый Кролик:

Они твердят: бывая с ним,
Меня назвали вы.
«Он мил, – она сказала им, –
Но не пловец, увы.»
Он им сказал, хоть я не знал
(А правда им видна):
Что было б с вами, коль скандал
Раздула бы она?
Я ей – один, они им – два,
А вы нам – три иль пять;
Моими бывшие сперва,
Вернулись к вам опять.
И будь я в дело вовлечен,
Иль хоть она – тогда
Их отпустить велел бы он
Свободно, как всегда.
Лишь тот припадок с ней виной
(Как замечал я всем),
Что больше вам не быть стеной
Меж нами, им и тем.
Что ей так нравятся они,
Пускай не знает свет.
Ему – ни слова! Сохрани
Меж нами наш секрет.

– Это самое важное свидетельство из всех, что мы слышали доселе, – сказал Король, потирая руки, – так что пусть присяжные...

– Если кто-нибудь из них сможет объяснить эти стихи, – сказала Алиса (она так выросла за последние минуты, что ничуть не боялась перебивать его), – я дам ему шестипенсовик. Я не верю, что здесь есть хоть капля смысла.

Присяжные дружно записали на своих досках «*Она* не верит, что здесь есть хоть капля смысла», но никто из них не попытался объяснить стихи.

– Если здесь нет смысла, – сказал Король, – это избавляет нас от проблем, поскольку,

сами понимаете, нам не придется искать таковой. И я еще не знаю... – продолжал он, разворачивая бумагу со стихами у себя на колене и глядя на них одним глазом, – мне кажется, кое-какой смысл тут есть, в конце концов: «Но не пловец, увы» – вы не пловец, не так ли? – добавил он, поворачиваясь к Валету.

Валет печально покачал головой.

– Разве я похожу на пловца? – сказал он. (Он, несомненно, не походил, будучи целиком сделан из картона.)

– Очень хорошо, пойдем дальше, – сказал Король и принялся бормотать стихи про себя. – «А правда им видна» – это, конечно, про присяжных... «Я ей – один, они им – два» – ага, вот что он сделал с тортами, понимаете ли...

– Но там дальше «Вернулись к вам опять», – заметила Алиса.

– Ну так вот же они! – торжественно воскликнул Король, указывая на торты на столе. – Ничто не может быть яснее, чем это. Затем опять – «Лишь тот припадок с ней виной» – дорогая, я думаю, у тебя никогда не бывает припадков? – обратился он к Королеве.

– Никогда! – яростно закричала Королева, швыряя чернильницу в Ящерицу Билла. (Несчастный маленький Билл к этому времени уже перестал писать на доске пальцем, обнаружив, что он не оставляет следа; но теперь он снова принялся торопливо писать, пользуясь – пока их хватало – чернилами, стекавшими по его лицу.)

– Тогда это *отпадает*, – сказал Король, с улыбкой оглядывая зал. Стояла мертвая тишина.

– Это каламбур, – сердито добавил Король, и все засмеялись. – Пусть присяжные вынесут свой вердикт, – сказал Король, должно быть, уже в двадцатый раз за день.

– Нет, нет! – сказала Королева. – Сначала приговор – потом вердикт.

– Чушь и ерунда! – громко сказала Алиса. – Что за идея – выносить сначала приговор!

– Придержите язык! – крикнула Королева, багровея.

– И не подумаю! – ответила Алиса.

– Отрубить ей голову! – завопила Королева во весь голос. Никто не двинулся.

– Кому вы страшны? – сказала Алиса (к этому времени она уже выросла до своего нормального размера). – Вы всего-навсего колода карт!

И тут все карты поднялись в воздух и посыпались на нее; она слегка вскрикнула, наполовину от страха, наполовину от гнева, и попыталась отбиться от них... и обнаружила, что лежит на берегу реки, положив голову на колени сестры, которая осторожно смахивает с ее лица сухие листья, упавшие с деревьев.

– Просыпайся, Алиса, дорогая! – сказала сестра. – Ох, ну и долго же ты спала!

– Ой, я видела такой удивительный сон! – сказала Алиса, и рассказала сестре – насколько она могла вспомнить – про свои странные приключения, о которых вы только что прочитали; и когда она закончила, сестра поцеловала ее и сказала: «Это и в самом деле был удивительный сон, дорогая; но теперь беги домой, а то опоздаешь к чаю.» И Алиса встала и побежала, думая на бегу (насколько она могла это делать), какой же это все-таки был чудесный сон.

Но ее сестра осталась сидеть на берегу, склонив голову на руку, глядя на закат и думая о маленькой Алисе и всех ее чудесных приключениях, пока тоже не начала дремать, и вот что ей привиделось:

Сначала ей грезилась маленькая Алиса: снова миниатюрные ручки смыкались на ее колене, снова блестящие нетерпеливые глаза смотрели на нее снизу вверх

– она могла слышать каждый оттенок ее голоса, и видела этот забавный жест, когда Алиса встряхивает головой, откидывая в глаза волосы – и в то же время она слышала – или ей так казалось – как все вокруг ожило и наполнилось странными существами из сна ее сестренки.

Длинная трава шелестела у ее ног – это спешил Белый Кролик; перепуганная Мышь с плеском плыла по соседней луже; слышно было, как гремят чайные чашки за столом у Мартовского Зайца и его друзей, продолжавших свое бесконечное чаепитие, и как резкий

визгливый голос Королевы осуждает на казнь несчастных гостей; снова малыш-поросенок чихал на колене у Герцогини, в то время как вокруг бились тарелки и блюда; снова слышался крик Грифона и скрип грифеля Ящерицы Билла, и полузадушенные взвизгивания подавленных морских свинок сливались с далекими рыданиями несчастного Якобы Черепахи.

Так она сидела с закрытыми глазами, почти поверив, что находится в Стране Чудес, хотя и знала, что стоит ей снова открыть глаза, и все вокруг превратится в скучную реальность – трава просто шелестит на ветру, а вода журчит оттого, что качается тростник; звон посуды превратится в позвякивание овечьих колокольчиков, а пронзительные крики Королевы станут голосом мальчишки-пастуха; чихание ребенка, и восклицания Грифона, и все прочие странные звуки окажутся (она знала это) просто смешанным шумом скотного двора, а мычание далекого стада займет место тяжких стенаний Якобы Черепахи.

И наконец она представила себе, как ее маленькая сестренка в свое время сама станет взрослой женщиной; и как она сохранит, даже и в зрелые годы, простое и любящее детское сердце; и как она соберет вокруг себя уже других маленьких детей, и заставит *их* глаза блестеть от страстного желания услышать необыкновенные истории, может быть, даже этот давний сон о Стране Чудес; и как она будет делить с ними их простые огорчения и простые радости, вспоминая собственное детство и счастливые летние дни.

Примечания переводчика

[1] Речь идет о сестрах Лиддел: Первая – Лорина (Lorina), Вторая – Алиса (Alice) и Третья – Эдит (Edith). Описываемая речная прогулка состоялась 4 июля 1862 года; Алисе тогда было 10 лет, однако в повести ей 7 (ее точный возраст указан во второй книге, «Алиса в Зазеркалье»).

[2] Интересно, что перед этим Алиса уже открыла эту дверцу, и нигда не сказано, чтобы она вновь ее запирала – да и зачем бы ей это понадобилось? Впрочем, в Стране Чудес, разумеется, дверь могла захлопнуться и сама собой, тем паче что такое случается и в обычном мире.

[3] 9 футов – это не так уж много, меньше трех метров; чтобы наплакать *столько*, размер явно недостаточный. Впрочем, не будем забывать, что дело происходит в Стране Чудес.

[4] У Кэрролла именно так – «руке», а не «лапе»; moreover, столь уважаемый (хоть и пугливый) Кролик вполне этого заслуживает.

[5] Стихотворение Исаака Уоттса (isaac watts, 1674-1748); как и большинство пародируемых Кэрроллом в этой книге, относится к дидактическим стишкам, которыми в изобилии пичкали британских детей.

Трудолюбивая пчела
Проводит с пользой день,
И взятку с каждого цветка
Ей собирать не лень.
О, сколь старательно она
Из воска строит сот,
В котором сохранить должна
Душистый сладкий мед!
Пускай вот так, среди забот,
Течет моя весна,

Не то занятие найдет
Ленивцу Сатана.
Пускай в учебе и в трудах
Проходят день за днем,
Чтоб о растраченных годах
Мне не жалеть потом.

[6] Это вовсе не привычные нам кабинки для переодевания (хотя они играли и эту роль), а громоздкое сооружение викторианской эпохи, призванное ограждать купальщика от нескромных чужих взоров. Потому-то и располагались эти кабинки не на пляже, а в море, куда их затаскивали лошаадьми.

[7] Где моя кошка? (фр.)

[8] У всех этих созданий есть реальные прототипы. Утка (duck) – каноник Дакворт (Duckworth), друг Льюиса Кэрролла, сопровождавший его и девочек Лиддел на речной прогулке. Додо – название вымершей птицы дронг и одновременно прозвище самого Кэрролла, который заикался, называя свое настоящее имя: «До-До-Доджсон». Лори – разновидность австралийских попугаев, но в данном случае это еще и Лорина, старшая из сестер Лиддел (так что неудивительно, что у Алисы позже «конечно же» возник спор с Лори; «железный аргумент», приведенный Лори в этом споре, также взят из реальной жизни). Орленок (Eaglet) – Эдит Лиддел, младшая сестра (поэтому в некоторых переводах Орленок носит имя «Эд», хотя у Кэрролла этого нет).

[9] В оригинале он назван «сиг», что, помимо переносного значения – «дрянь, ничтожество» (пройдохой он, впрочем, тоже именуется, но ниже) – имеет и прямое: «дворняга». Так что Хищник-то, может быть, вовсе и не кот, а пес! Тем паче что Мышь не любит ни тех, ни других. Хотя, конечно, в роли врага мыши естественней представить кота, да и действует он уж больно хитро – целое судебное разбирательство затеял, собаки обычно более прямолинейны. В то же время рассказ Мыши остался неоконченным, так что как кот, так и пес могли появиться позже. Воистину, «много неясного в странной стране...»

[10] Устрица, как известно, моллюск, т.е. существо *замкнутое* ; чтобы *выйти из себя* , ей пришлось бы вылезти из раковины. Действительно непросто!

[11] Кролик, вероятно, хотел сказать, что это понятно и ежу, но он слишком напуган, вот ему и мерещатся всякие ужасы. Хорек – один из самых страшных врагов кроликов.

[12] Если яблоки в Стране Чудес приходится копать, то, может, картошка растет там на деревьях? Увы, точные сведения на сей счет до нас не дошли.

[13] Игрушка; когда крышку шкатулки открывают, внезапно распрямляется пружина, и выскакивает чертик. Вся соль в том, что это происходит неожиданно и должно напугать открывшего шкатулку.

[14] На самом деле, план не слишком-то логичный, если вспомнить, что все проблемы с попаданием в сад начались как раз тогда, когда Алиса была нормального роста. Хотя, конечно, она могла надеяться отыскать другой вход, пошире и повыше.

[15] Дидактическое стихотворение Роберта Саути (Robert Southey, 1774-1843)

«Ты уж стар, папа Вильям, – воскликнул юнец, –
Волос сед твой и редок, взгляни,
Но и в старости здрав ты и крепок, отец;
Отчего так? Прошу, объясни.»
«С юных дней я, – сказал папа Вильям в ответ, –

Помнил: быстры мгновенья весны,
И не тратил напрасно здоровья и сил,
Словно больше они не нужны.»
«Ты уж стар, папа Вильям, – воскликнул юнец, –
Где все радости? В прошлом они.
Только ты не грустишь об ушедших годах;
Отчего так? Прошу, объясни.»
«С юных дней я, – сказал папа Вильям в ответ, –
Помнил: юность не вечна моя,
И, поскольку о будущем думал всегда,
Не жалею о прожитом я.»
«Ты уж стар, папа Вильям, – воскликнул юнец, –
И к закату идут твои дни,
Но ты весел, и смерть не пугает тебя;
Отчего так? Прошу, объясни.»
«Сын, я весел, – ответил старик, – и хочу,
Чтоб усвоил ты твердо вполне:
С юных дней я о Господе не забывал,
И Господь не забыл обо мне.»

[16] Интересно, что здесь при переводе на русский сам собой возникает каламбур, которого нет в оригинале. Ведь «угорь» по-русски – и рыба, и прыщ; по-английски же (и, соответственно, у Кэрролла) – только рыба (eel).

[17] Заметим, что у Голубки весьма своеобразное представление о том, что змеям *подходит* и *по нраву* – представление это прямо противоположно точке зрения самих змей; ведь Голубка пытается найти место, куда змеи не могли бы добраться. Неудивительно, что «Алиса все больше и больше недоумевала».

[18] Кэрролл обыгрывает английскую поговорку «Улыбается, как чеширский кот». О ее происхождении имеются две гипотезы. Одни лингвисты полагают, что она возникла из-за трактирных вывесок в Чешире, изображавших скалившего зубы леопарда; другие – что дело в чеширских сырах, которые одно время выпускали в форме головы улыбающегося кота.

[19] Здесь пародируется слащаво-нравоучительное стихотворение Дж. Лэнгфорда (G. Langford)

Будь мягче; лучше управлять
Не страхом, а любовью;
Будь мягче, чтоб не позволять
Бесчинствовать злословью.
Будь мягче с малыми детьми,
Любовь их драгоценна;
Добро в учителя возьми,
Ведь все на свете бренно.
Будь мягче с юными; они
Пути еще в начале;
Еще придут лихие дни,
Не приближай печали.
Будь мягче и со стариком,
Не рань больного сердца;
Ведь жизнь его течет песком,
И скоро хлопнет дверца.
Будь мягче с тем, кто нищетой
Отмечен, как проказой;

Не умножай кручины той
Своею грубой фразой.
Будь мягче с тем, кто виноват;
Его до преступления
Довел не твой ли грубый брат?
Дай шанс для искупленья!
Будь мягче; шепотом сердца
Любовь соединяет,
И Дружба резкого словца
Отнюдь не применяет.
Будь мягче; невеликий труд,
Коль в сердце человечность,
То радость и добро придут,
Что подтверждает вечность.

[20] В Англии существуют поговорки «безумен, как шляпник» и «безумен, как мартовский заяц». С зайцем все понятно – в марте у них брачный период – а вот почему шляпник? Оказывается, на протяжении долгого времени (даже еще и в XX веке) шляпники использовали при обработке фетра ртуть и часто становились жертвами ртутного отравления, при котором действительно поражается психика.

[21] В предисловии к более позднему изданию Кэрролл дал ответ на эту загадку, основанный на сложном каламбуре: «Тем, что он может производить notes, которые при этом весьма flat». Здесь используются 3 значения слова notes – заметки, музыкальные ноты и карканье, и 2 значения flat – плоский и (применительно к нотам) фальшивый. Можно предложить и более простые отгадки, например – «на нем тоже имеются перья». Тем не менее, весьма вероятно, что изначально эта загадка мыслилась как не имеющая ответа.

[22] Имеется в виду английское выражение «Старик Время».

[23] Имеется в виду стихотворение Джэйн Тэйлор (Jane Taylor, 1783-1827)

Звездочка, гори, гори,
С высоты на мир смотри.
Как брильянт ты в вышине,
Что ты есть, понять бы мне!
Вот сокрылось солнце прочь,
Мир одела мраком ночь,
Всякий прочий свет погас –
Значит, наступил твой час.
Путник шлет тебе привет:
Если б не твой скромный свет,
Не найти б ему пути.
Звездочка, свети, свети.
В темно-синей вышине
И сквозь занавесь в окне
Мне подмигивал твой глаз
Ночью долгою не раз.
Что ты есть, мне не понять,
Но, как тьма придет, опять
Путь скитальцу озари –
Звездочка, гори, гори.

[24] Именно шесть, а не пять. Обычай пить чай в пять (five o'clock) установился в Англии позже. В семействе Лиддел чай пили в шесть часов.

[25] Снова имеются в виду сестры Лиддел: Элси – l.c. – lorina Charlotte, Лэси – Lacie – анаграмма имени Alice, Тилли – Matilda – прозвище Эдит.

[26] Вообще-то пришлось, и совсем недавно. Но, может быть, просто во время процессии Королева пребывала в намного лучшем расположении духа?

[27] Это английская пословица. Весьма отдаленный русский аналог – «за погляд денег не берут».

[28] Если бы Герцогиня не ошиблась, то сказала бы «Забиться о пенсе, а банкноты (фунты) придут сами» – это английская пословица, ср. русское «Копейка рубль бережет». Однако вариант Герцогини имеет и самостоятельный смысл; некоторые даже считают его девизом художественного творчества.

[29] Имитация черепахового супа; на самом деле приготавливалась обычно из телятины, поэтому на иллюстрациях к «Алисе» (в том числе – к первому изданию) Якобы Черепаха часто изображается как гибрид черепахи с телянком.

[30] Эта фраза присутствует в оригинале, и я, как честный переводчик, привожу ее, хотя в том варианте текста, который вы читаете, картинка может и не быть. На всякий случай: у грифона тело льва, а голова и крылья – орла. Дальше будет еще одна ссылка на иллюстрацию – в сцене суда.

[31] Такая фраза действительно была обычной в счетах британских школ-интернатов, но имела, разумеется, иной смысл: дополнительная плата взималась за обучение детей факультативным предметам (французскому и музыке) и стирку их белья.

[32] Прототипом послужило короткое стихотворение Мэри Ховитт (Mary Howitt, 1799-1888) «Паук и муха»

«Приходите ко мне в гости! – мухе говорил паук,
Я трудился над убранством, не покладая рук.
Над лестницей плетеной гостиная моя,
Немало интересного там покажу вам я.»
«О, нет-нет! – муха молвила, – просить – напрасный труд,
Ведь те, кто к вам отправятся, назад уж не придут.»

[33] Еще одно нравоучительное стихотворение Исаака Уотса –
«Лентяй»

Это голос лентяя, я слышал опять:
«Не будите так рано! Я должен поспать!»
Словно дверь на петлях, он к стене повернул
Плечи, голову, брюхо, и снова заснул.
«Чуть побольше поспать, и еще подремать.»
Так полжизни его забирает кровать.
А когда он встает, то сидит, сложа руки,
Или бродит бесцельно, страдая от скуки.
Я в саду его видел одни сорняки,
Терн да дикий шиповник там тянут ростки.
Деньги тают, до дыр прохудился костюм,
Голодать или просить – к сим все сводится двум.
Я его посетил, все надеясь найти,
Что с порочного он отвратился пути;
Он рассказывал мне, как о яствах мечтал,
Но не думал, и Библию мало читал.
И сказал я себе: «Вот наглядный урок,
Кем я стал бы, коль мной овладел бы порок;
Но спасибо друзьям, в неусыпной заботе
Вкус привившим мне к чтению книг и работе.»

[34] Интересно, что обитатели Страны Чудес безошибочно чувствуют, что Алиса читает неправильно; однако когда они сами принимают петь, у них тоже выходит нечто весьма далекое от оригинала, но это их не смущает. Может быть, Кэрролл просто не заметил этого противоречия? Но не будем думать об авторе плохо: наверное, он просто лишний раз хотел посмеяться над теми, кто замечает только чужие недостатки.

[35] Пародируется модная в то время песня «Вечерняя звезда» (автор слов и музыки – James Sayles). К сожалению, в этом единственном случае для передачи рефрена пришлось отклониться от стихотворного размера оригинала (который в четвертой строке куплета тот же, что и в остальных) – что поделаться, «Звезда вечерняя, красивая звезда» по-русски звучит длиннее, чем по-английски. Тем не менее, в переводе пародии размер соблюден точно (перенос одной буквы слова – тоже особенность пародии Кэрролла).

Красивая звезда, с высоты
Свет свой струишь серебряный ты,
Но далека от земли всегда
Звезда вечерняя, красивая звезда
Припев:
Красивая,
Красивая,
Звезда вечерняя,
Красивая звезда
Чудится мне, ты зовешь: решишь,
Следуй за мной, поднимайся ввысь,
На крыльях духа – прочь от земли,
В царства любви, что в заоблачной дали.
Припев
Ярко сияй с неземных высот,
Пусть наши души любовь сплетет,
Хоть далека от земли всегда
Звезда вечерняя, красивая звезда
Припев

>

[36] Единственная песенка, которую Кэрролл приводит, не пародируя. Впрочем, хоть форма и не меняется, смысл выворачивается наизнанку: в песне Валет виновен, а Король умен, в книге же все наоборот. Вот полный текст этой детской песенки:

Дама Червей в честь летних дней
Наделала тортов,
Валет Червей был всех наглей,
Их – хватать, и был таков.
Дворян и слуг обьял испуг,
Все обращают взор
На Короля, и рек Король:
«Я вижу, кто здесь вор!
В любой кусок фруктовый сок
Проник до глубины,
Вор слишком глуп: не вытер губ!
Следы греха видны!»
И всяк искал: кто ж тот нахал?
Лишь не искал валет –
Он губы тер, признав позор,
Не знал, что сока нет.

[37] По итогам судебного заседания присяжные выносят вердикт – виновен или не виновен обвиняемый. Суд выносит обвинительный приговор (определяет наказание) лишь после вердикта «виновен», иначе подсудимого оправдывают. Разумеется, вердикт присяжных выносится лишь в конце заседания, после того, как заслушаны свидетели, прокурор и адвокат (заметим, что двое последних на процессе над Валетом вообще не присутствуют).